

Методъ самонаблюденія въ психології.

I.

Всякаго размышляющаго человѣка должно поражать то странное и грустное состояніе, въ которомъ находится психологія сравнительно съ другими науками. Возникла она очень давно. Отдѣльныя глубокія и цѣнныя наблюденія надъ душевною жизнью человѣка были сдѣланы уже въ тѣ времена, когда, напр., физика еще находилась въ совершенномъ младенчествѣ. А между тѣмъ теперь психологія несомнѣнно отстала отъ всѣхъ другихъ отдѣловъ научнаго знанія: справедливо можно сказать, что у нея нѣтъ ни прочныхъ и содержательныхъ законовъ, ни общепринятыхъ принциповъ объясненія; у нея даже оказывается чрезвычайно мало фактовъ, которые бы признаны всѣми. Психологическая наука распадается на школы и секты, готовыя спорить обо всемъ. И все-таки едва ли можно сомнѣваться, что между всѣми специальными областями знанія психологіи принадлежитъ наиболѣе важное мѣсто. И это не только потому, что она стремится раскрыть намъ нашъ собственный внутренній міръ и путемъ беспристрастнаго анализа обнаружить тѣ стимулы, которые движутъ и направляютъ нашу мысль, наше чувство и нашу волю. Значеніе психологіи представляется, можетъ быть, еще болѣе серьезнѣмъ въ виду того особаго положенія, которое она, по своему предмету, получаетъ въ общей системѣ человѣческихъ знаній: это положеніе слѣдуетъ назвать *центральнымъ*.

Здѣсь приходится остановиться на истинѣ огромной важности: мы *все знаемъ только черезъ призму своею собственнаю духа*. Это безспорный и очевидный фактъ. Всякій предметъ дается намъ только въ нашихъ *ощущеніяхъ*, *воспріятіяхъ*, *представленияхъ*, *идеяхъ*, *сужденіяхъ*. Что, напримѣръ, значить *воспринять* предметъ,—*положимъ*, его видѣть? Мы тогда видимъ его, когда въ нашемъ сознаніи сочетались различныя зрительныя *ощущенія свѣта, цвѣта и формы*, и когда эти наличныя *ощущенія* сопоставлены нашимъ сознаніемъ съ прошлыми *ощущеніями* отъ того же предмета или отъ предметовъ съ нимъ однородныхъ. Другими словами, въ этомъ, казалось бы, простомъ актѣ *усмотрѣнія лежащей предъ нами вещи* мы имѣемъ очень сложный и чисто психической процессъ. Или что значитъ *вообразить* предметъ (*положимъ*, лицо знакомаго намъ человѣка, отсутствующаго въ настоящее мгновеніе)? Опять и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ очень сложный душевный процессъ чисто внутренняго воспроизведенія всѣхъ деталей вспоминаемаго образа, замѣченныхъ нами въ нашихъ опытахъ. Нечего настаивать, насколько еще болѣе сложными являются процессы нашего отвлеченного пониманія какихъ-нибудь общихъ истинъ о вещахъ, нашего логического доказательства научныхъ положеній о нихъ и т. д. Въ виду всего этого представляется совершенно несомнѣннымъ слѣдующее общее утвержденіе: *мы никакихъ объектовъ не знаемъ прямо, мы все познаемъ черезъ психические символы или значки*.

Но разъ это такъ, то уразумѣніе природы и законовъ нашихъ психическихъ процессовъ получаетъ принципіальное значение для оцѣнки всякаго другого нашего познанія. Нѣ сколько примѣровъ пояснятъ мою мысль. Геометрія, *положимъ*, изучаетъ основныя свойства и законы пространства и формъ въ пространствѣ. Но что же такое пространство? Существуетъ ли оно въ самой природѣ или оно только намъ кажется въ ней? Есть ли оно изначальное вмѣстилище всѣхъ вещей, существующее абсолютно, данное раньше всего на свѣтѣ, какъ думалъ, напримѣръ, Ньютона, или оно только

наше субъективное представление, подъ угломъ которого мы все воспринимаемъ, какъ учили Кантъ и Шопенгауэръ? И если оно существуетъ помимо насъ, то совсѣмъ ли оно такое, какъ мы его представляемъ, или у него есть свойства, быть можетъ, даже измѣренія, о которыхъ мы ничего не подозрѣваемъ и которыхъ мы даже неспособны вообразить себѣ? Всѣмъ известно, какіе горячіе споры идутъ объ этомъ, — между тѣмъ, можно ли надѣяться рѣшить эти вопросы, если мы не будемъ имѣть яснаго пониманія того, какъ воспринимаемъ мы пространство и какъ образуется въ насъ представление о немъ. Я не хочу этимъ сказать, что если мы рѣшили проблему о происхожденіи нашей идеи о пространствѣ, то тѣмъ самымъ мы получили всѣ нужные данные для рѣшенія вопроса объ его объективной, метафизической природѣ. Но все же едва ли подлежитъ сомнѣнію, что когда мы не знаемъ даже того, что такое идея пространства въ насъ, мы едва ли можемъ питать сколько-нибудь основательную надежду проникнуть въ его сущность, какъ оно дано помимо насъ. Или возьмемъ другой примѣръ. Физика изучаетъ общіе законы вещества. Но что такое вещество? Есть ли оно сама въ себѣ протяженная субстанція, какъ училъ Декартъ? Или оно состоить изъ абсолютно непротяженныхъ и недѣлимыхъ точекъ, которыя, однако, носятся въ пространствѣ, какъ думалъ Босковичъ? Или оно не то и не другое, а само въ себѣ оно есть абсолютно неизвѣстная основа того, что для нашего чувства является, какъ протяженность, непроницаемость, инерція, хотя по своей внутренней природѣ оно не имѣеть ничего общаго съ этими свойствами, какъ полагаютъ сторонники феноменизма? Можно ли разсчитывать надлежащимъ образомъ освѣтить эти вопросы, не уяснивъ себѣ сначала того, какъ слагается наше представление о физическомъ веществѣ, черезъ какія стадіи развитія оно проходитъ и какие именно психологические процессы принимаютъ участіе въ его образованіи? Какъ иначе могли бы мы надѣяться выдѣлить въ нашемъ обычномъ понятіи о веществѣ объективные элементы отъ чисто субъ-

ективныхъ? Вполнѣ аналогическія соображенія относятся къ нашимъ понятіямъ о движениі, энергіи, силѣ и т. д.

Мы все познаемъ сквозь призму нашего духа, но то, что совершается въ самомъ духѣ, мы познаемъ безъ всякой посредствующей призмы. Въ противоположность явленіямъ физической природы, то, что составляетъ по крайней мѣрѣ нашу сознательную душевную жизнь (а только оно является прямымъ предметомъ психологического изученія), сознается нами, какъ оно есть. Это положеніе настолько очевидно, что едва ли даже нуждается въ доказательствахъ и подробныхъ поясненіяхъ. Вѣдь состояніе сознанія настолько лишь и есть состояніе сознанія, насколько оно сознается. Что я ощущаю и какъ я ощущаю, то и есть мое ощущеніе, а чего я не ощущаю, то, очевидно, и не принадлежить къ моему ощущенію, какъ таковому. Чего я дѣйствительно желаю, то только и есть мое желаніе; что я въ самомъ себѣ чувствую, то и есть мое чувство. Это истины тожественные; предполагать здѣсь какія-нибудь посредствующія призмы между нашимъ сознаніемъ и тѣмъ, что имъ сознается, совсѣмъ не имѣть смысла. А между тѣмъ изъ этого вытекаетъ чрезвычайно важный выводъ: свою сознательную душевную жизнь мы знаемъ въ ея настоящей, прямой дѣйствительности, безъ всякихъ посредствъ; въ нашемъ непосредственномъ, внутреннемъ переживаніи намъ открывается какъ бы уголокъ нѣкоторой абсолютной дѣйствительности, какъ она есть сама въ себѣ, а не только въ кажущемся и всегда могущемъ подлежать сомнѣнію явленіи чего-то другого, какъ дается намъ сплошь вся внѣшняя реальность. Въ сферѣ непосредственныхъ данныхъ сознанія нѣтъ уже различія между объективнымъ и субъективнымъ, реальнымъ и кажущимся, здѣсь все есть, какъ кажется и даже именно потому, что оно кажется: вѣдь когда что-нибудь намъ кажется, это и есть вполнѣ реальный фактъ нашей внутренней душевной жизни. Такимъ образомъ нашъ внутренній міръ есть единственная точка, въ которой безспорно подлинная дѣйствительность раскрыта для нашего прямого усмотрѣнія.

Изъ этого вытекаетъ огромное метафизическое значение психологіи: *метафизика или онтологія* есть та область философіи, которая стремится понять существующее въ его настоящихъ, истинныхъ признакахъ, какъ оно есть само по себѣ, помимо тѣхъ искажающихъ добавленій, которыхъ вносятся въ него для насъ ограниченностью и условностью формъ нашего чувственного воспріятія и опытнаго знанія. И вотъ если мы гдѣ-нибудь имѣемъ такой опытъ, содержаніе которого не искажается никакими субъективными измѣненіями и добавленіями или въ которомъ непосредственно раскрыта нѣкоторая совсѣмъ подлинная реальность, то это только въ психологіи. И, наоборотъ, въ психологіи такая реальность дана самыемъ несомнѣннымъ образомъ. По отношенію къ фактамъ нашего сознанія потому уже не можетъ быть рѣчи о субъективныхъ искаженіяхъ и прибавленіяхъ, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло именно съ субъективнымъ, какъ таковymъ: въ чисто субъективныхъ вещахъ ложное ихъ воспріятіе представляеть нѣчто по существу немыслимое. Допустимъ даже, что всѣ наши воспоминанія о прежде пережитыхъ состояніяхъ ложны и призрачны, что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни времени, ни нашего прошлаго; все же въ насъ безспорно дано усмотрѣніе этихъ призрачныхъ вещей, и наличность этого усмотрѣнія въ насъ уже никакъ нельзя считать субъективнымъ обманомъ. Что непосредственно испытывается сознаніемъ, то очевиднымъ образомъ есть именно такъ, какъ оно сознается,—противъ этого принципа не можетъ быть никакихъ серьезныхъ возраженій. А если въ самихъ себѣ мы познаемъ нѣчто безспорно дѣйствительное, то этимъ устанавливается весьма большая вѣроятность того, что правильно и осмотрительно исходя отъ непосредственно извѣстнаго въ себѣ, мы можемъ понять, хотя бы въ самыхъ общихъ очертаніяхъ и признакахъ, внутреннюю дѣйствительность и всякихъ другихъ вещей. Чтобы заранѣе осудить возможность такого *аналогическаго* пониманія по самимъ себѣ всякой другой реальности, нужно предположить абсолютную внутреннюю разрознен-

ность реального міра или (что сведется къ тому же) совершенную неприложимость къ нему какихъ бы то ни было логическихъ категорій и точекъ зрења. Но если только міровая жизнь обладаетъ какимъ-нибудь единствомъ, если существуетъ хотя какая-нибудь однородность и внутреннее подобіе въ элементахъ дѣйствительности, мы съ полнымъ логическимъ правомъ можемъ надѣяться, отправляясь отъ самихъ себя, постигнуть внутреннюю суть того, что кажется намъ внѣшнимъ. Какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ¹⁾, въ такомъ случаѣ „познанію достаточно имѣть хотя одну твердую точку, ему довольно въ ней одной встрѣтиться съ истинною дѣйствительностью, чтобы оно уже не было сплошною иллюзіей и обманомъ,—чтобы оно оказалось въ состояніи постигнуть всю реальность въ ея основныхъ очертаніяхъ,—конечно, если оно правильно оцѣнить то, что въ этой точкѣ ему открылось“.

Казалось бы, въ этой непосредственной очевидности и достовѣрности психическихъ данныхъ заключается очень много обѣщающее преимущество психологіи предъ другими науками. А что изъ него вышло для нея? Вѣдь до сихъ поръ многие весьма разумные люди и съ самыми серьезными основаніями готовы сомнѣваться даже въ самомъ существованіи психологіи, какъ науки. Правда, за послѣднее время въ ней возникли нѣкоторые отдѣльныя области, разработанныя сравнительно точно; но всѣ онѣ относятся къ сферѣ психо-физическихъ и психофизиологическихъ изслѣдованій, въ которыхъ физическими и физиологическими приемами изученія внесено, конечно, гораздо больше, чѣмъ специально психологическими методами. Во всякомъ случаѣ онѣ представляютъ какъ бы маленькие оазисы среди хаоса противорѣчащихъ другъ другу обобщеній, враждующихъ гипотезъ, неполныхъ описаній. Того, кто въ первый разъ знакомится съ психологической литературой, должно поражать, какъ мало въ ней установленного и безспорного, и какія слабыя

---

¹⁾ Полож. задачи философіи, часть II, стр. 279.

стороны обнаруживаетъ въ ней даже то, что составляетъ первый шагъ въ каждой наукѣ—простое описание фактовъ.

II.

Сила и слабость психологіи, принадлежащее ей по существу ея задачи центральное положеніе среди другихъ наукъ и ея весьма несовершенное научное состояніе еще и въ наше время,—безъ сомнѣнія коренятся въ ея основномъ методѣ. Этотъ методъ есть *самонаблюдение*. Въ немъ есть одно огромное преимущество, о которомъ я говорилъ сейчасъ: внутренняя дѣйствительность нашего сознанія открыта нашему самонаблюденію въ ея подлинномъ видѣ,—такъ, какъ она есть. Предметы окружающаго насъ вѣнчанаго міра мы воспринимаемъ только черезъ ощущенія нашихъ вѣнчанихъ чувствъ, и, чтобы они составили содержаніе нашего сознанія, необходимо, чтобы они были пропущены черезъ нашу психическую призму. Напротивъ, можно сказать, что предметомъ самонаблюденія является *сама эта призма*: мы все воспринимаемъ черезъ наши психическія состоянія, но именно поэтому самыя эти состоянія мы уже должны воспринимать прямо, такъ какъ иначе мы не могли бы всего воспринимать въ нихъ. Состоянія сознанія, уже по самому понятію о нихъ, мы должны сознавать такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ, потому что въ противномъ случаѣ они не были бы состояніями самого сознанія, а называть состояніями сознанія пришлось бы уже то, черезъ что мы сознавали бы ихъ.

Но существуетъ и неизбѣжная ограниченность въ методѣ самонаблюденія: мы непосредственно знаемъ только свое собственное сознаніе,—чужое для насъ закрыто. Непроницаемость индивидуальныхъ сознаній другъ для друга есть безспорный фактъ психологіи. Принадлежность переживаемыхъ состояній чужому Я стоитъ непроходимою стѣною для нашего наблюденія и воспріятія. Если бы даже вообразить, что мысли и чувства другого лица цѣликомъ перенесены въ насъ, мы испытали бы ихъ уже не какъ чу-

жія, а какъ свои собственные. Различие сознающихъ Я или различие личностей есть тотъ абсолютный рубежъ, который обособляетъ всѣ внутреннія психическая состоянія въ безчисленныя замкнутыя другъ для друга сферы. Мы не можемъ заглянуть въ чужую душу, мы можемъ понять то, что въ ней происходитъ, только путемъ аналогіи: состоянія чужого сознанія мы угадываемъ по аналогіи съ собственнымъ. Мы видимъ, что другой человѣкъ мимикой, жестами, голосомъ, движеніями,—выражаетъ радость или горе. Мы знаемъ по себѣ, что это значитъ, — когда приходится такъ говорить, прибѣгать къ такой жестикуляціи, такъ двигаться; и мы приписываемъ этому человѣку чувства, которыя испытали сами. Кто-нибудь сказалъ намъ, что у него болитъ зубъ; мы вспоминаемъ, какъ зубъ болѣлъ у насъ самихъ, и только черезъ это понимаемъ его. И мы приписываемъ ему тотъ самый рядъ ощущеній, который пережили сами. Мы слышимъ рядъ фразъ и схватываемъ ихъ смыслъ, пока онѣ произносятся; и тѣ мысли, которыя выражаютъ эти фразы для насъ, мы приписываемъ уму говорящаго. Что происходитъ во всѣхъ этихъ случаяхъ? Во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ наблюдаемъ мы только знаки, дѣйствія, выраженія чужой психической жизни; но о внутреннихъ состояніяхъ другихъ людей мы всегда только догадываемся; мы ихъ приписываемъ имъ по аналогіи съ собою, но прямо ихъ не видимъ.

Такимъ образомъ окончательнымъ критеріемъ всякой психической жизни является для насъ наше собственное сознаніе. Между тѣмъ наше сознаніе всегда индивидуально,—въ этомъ его естественная граница. Мы все испытываемъ по-своему и никогда не можемъ быть увѣрены, что испытываемъ совсѣмъ такъ, какъ другіе. Я знаю, что когда я вижу зеленое, и другіе утверждаютъ, что они также видятъ зеленый цветъ. Но гдѣ ручательство, что мы видимъ при этомъ совсѣмъ одно и то же? Правда, въ данномъ случаѣ можно съ высокую степенью вѣроятности утверждать если не абсолютное тожество, то, по крайней мѣрѣ, внутреннюю однородность переживаемыхъ нами и другими

людьми ощущений. Но вѣдь въ нась далеко не все однородно съ тѣмъ, что испытываютъ и переживають другіе. Въ каждомъ человѣкѣ, кромѣ чертъ типическихъ для всего человѣческаго рода, существуетъ безчисленное множество личныхъ особенностей. На многое въ жизни мы реагируемъ каждый по своему, и въ этомъ заключается наша личная своеобразность. У каждого свой особый складъ ума, памяти, воображенія, характера, сердца. Если бъ каждый психологъ дѣлалъ свои выводы только на основаніи того, что онъ наблюдаетъ въ самомъ себѣ, — изъ такого во многихъ отношеніяхъ случайного материала какая могла бы получиться наука о всякой душевной жизни вообще?

Отсюда въ психологіи возникаетъ вполнѣ законное стремленіе пополнить *субъективный* методъ чистаго *самонаблюденія* — *объективнымъ*. Конечно, мы не знаемъ чужой душевной жизни, но мы можемъ догадываться о ея содержаніи по вѣшнимъ выраженіямъ съ такой высокой степенью вѣроятности, что она во многихъ случаяхъ практически переходитъ въ полную достовѣрность. Мы изучаемъ чужую душевную жизнь, насколько она выражается въ *словѣ* и *дѣйствіи*. Мы изучаемъ ее этимъ путемъ и въ своихъ реальныхъ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ другими людьми, и въ ея отраженіи въ фантазіи геніальныхъ художниковъ и поэтовъ, и въ разнообразныхъ произведеніяхъ литературы, и въ памятникахъ исторіи. Не будь этихъ дополнительныхъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о законахъ душевной жизни, мы едва ли достигли бы когда-нибудь до содержательныхъ опытныхъ обобщеній относительно ея внутреннихъ двигателей. Мы дѣляемъ примѣненіе этого объективнаго метода не только въ общей психологіи, — изъ его разнообразныхъ видоизмѣненій выростаетъ цѣлый рядъ специальныхъ психологическихъ дисциплинъ: психологія дѣтской души, психологія душевнобольныхъ, психологія животныхъ, психологія народовъ, психологія обществъ, психологія художественного творчества и т. д.

Другое примѣненіе объективный методъ въ психологіи

находитъ въ изслѣдованіи связей между состояніями психическими и физиологическими. Такъ возникаетъ особая наука, носящая название *физиологической психологіи*. Тѣсная зависимость душевной жизни отъ физическихъ перемѣнъ въ тѣлесномъ организмѣ есть непоколебимый фактъ опыта. Онъ былъ замѣченъ съ незапамятныхъ временъ и принципіально признавался во всѣхъ психологическихъ теоріяхъ, хотя ему давали различное объясненіе, освѣщеніе и оцѣнку. При возрастающемъ знакомствѣ съ функциями мозга этотъ фактъ приобрѣтаетъ все болѣе серьезное значеніе. Теперь мы знаемъ, что связь психического съ физическимъ еще гораздо тѣснѣе, чѣмъ можно было думать раньше. Она одинаково обнимаетъ и низшія явленія психической сферы и самыя высшія. Мы не знаемъ такихъ фактовъ нашей внутренней жизни, для которыхъ мы имѣли бы рѣшительное основаніе не предполагать абсолютно никакого физического коррелата. Черезъ это физиологическая психологія приобрѣтаетъ очень важное мѣсто среди вспомогательныхъ психологическихъ наукъ. При оцѣнкѣ ея значенія приходится однако имѣть въ виду и отрицательную сторону дѣла: въ настоящее время она еще находится едва ли даже не въ менѣе совершенномъ состояніи, чѣмъ психологія *интроспективная*. Сравнительно хорошо разработана физиология органовъ нашихъ вѣнчнихъ чувствъ, и въ этой области психологическая наука приобрѣла нѣкоторыя твердыя обобщенія. Но что касается внутреннихъ процессовъ, происходящихъ въ нашемъ мозгѣ въ соотвѣтствии съ переживаемыми нами психическими состояніями, объ этомъ теперь известно немногимъ больше, чѣмъ прежде. По признанію всѣхъ серьезныхъ физиологовъ мы здѣсь имѣемъ еще очень темную, непроницаемо-таинственную область. Обыкновенно въ ней не идутъ дальше очень шаткихъ гипотезъ и весьма неопределенныхъ, иногда совсѣмъ произвольныхъ схемъ¹⁾.

---

1) См. мою статью „Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза“. („Вопросы фил. и псих.“ кн. 38).

Къ физиологической психології близко примыкаетъ *психология экспериментальная*. Она стремится изучать душевныя явленія въ условіяхъ, которыя мы избрали сами, и такимъ образомъ пытается внести въ психологію *научный опытъ*. Повидимому, экспериментальной психології предстоитъ большее будущее, но, кажется, не будетъ слишкомъ суровымъ сказать, что до сихъ поръ она еще не успѣла оправдать возлагаемыхъ на нее огромныхъ упованій. Причина тому лежить отчасти въ чрезвычайной трудности предмета изслѣдованія, отчасти въ нѣкоторой ограниченности и случайности задачъ, которыя она себѣ ставила до сихъ поръ. Отъ экспериментальной психологіи, повидимому, прежде всего можно ждать рѣшенія проблемъ двоякаго рода: 1) точнаго установлениія связи между физиологическими и психическими состояніями (наиболѣе цѣнное приобрѣтеніе въ этой сфере представляеть законъ Вебера-Фехнера о характерѣ зависимости возрастанія ощущеній отъ возрастанія раздраженій¹⁾); 2) изслѣдованія отдельныхъ душевныхъ способностей и фактовъ въ произвольно избранныхъ нами обстоятельствахъ. Наиболѣе могущественнымъ орудіемъ въ этой области изслѣдованій до сихъ поръ является *гипнотизмъ* съ открытою въ немъ *силою внушенія*.

Но все же надо постоянно помнить, что методы всѣхъ этихъ дисциплинъ суть только вспомогательные для корен-

1) Важное мѣсто между способами экспериментального изученія душевныхъ явленій занимаетъ *психометрія*, т. е. измѣреніе душевныхъ процессовъ. Однако и относительно этой области изслѣдованій можно сказать, что она пока мало оправдала вызванныя ею надежды. 1) Въ ней не получено какихъ-нибудь безспорныхъ результатовъ принципіального характера. 2) Устанавливаемая въ ней цифры значительно колеблются у разныхъ изслѣдователей. 3) Смыслъ этихъ цифръ оказывается весьма проблематичнымъ. Въ частности, когда пытаются определить время какого-нибудь одного психического процесса, на самомъ дѣлѣ обыкновенно получаютъ время цѣлаго ряда послѣдовательныхъ процессовъ. Напримѣръ, когда пытаются установить время простой сенсоріальной реакціи, въ дѣйствительности опредѣляютъ время не только этой реакціи, но и тѣхъ сопровождающихъ ее процессы логического, волевого и эмоционального характера (соображеній о задачѣ опыта, рѣшенія сдѣлать или не сдѣлать данное движение и т. п.), безъ которыхъ самый экспериментъ былъ бы невозможенъ.

ныхъ задачъ психологіи. Окончательный ключъ ко всему лежитъ все-таки въ самонаблюденіи и въ томъ, что даетъ оно. Только провѣряя показаніями собственного внутренняго опыта и переводя на его языкъ, мы можемъ уразумѣть виѣшнія даннія о чужой психической жизни. Эти даннія прежде всего важны тѣмъ, что позволяютъ намъ возвыситься надъ своею индивидуальною ограниченностью, отличить наше особенное отъ общечеловѣческаго въ насъ, но все же чужія душевныя состоянія мы понимаемъ только тогда, когда нашли нѣчто имъ аналогичное въ самихъ себѣ: виѣшнее наблюденіе полезно тѣмъ, что заставляетъ искать этихъ аналогій въ самонаблюденіи и понимать ихъ цѣну. Но если бъ наше самонаблюденіе совсѣмъ замолкло или если бъ мы совсѣмъ отвернулись отъ него, виѣшнее наблюденіе ничему бы не научило насъ о душевныхъ фактахъ. У отдѣльныхъ философовъ и ученыхъ неоднократно возникала мечта совсѣмъ покончить съ интроспективною психологіею и всецѣло замѣнить ее физіологіей мозга и нервной системы. Изъ этой мечты ничего не выходило и никогда ничего не выйдетъ, — нетрудно видѣть почему. Вообразимъ, въ самомъ дѣлѣ, наблюдателя, непринадлежащаго къ человѣческому миру (положимъ, жителя какой-нибудь высшей планеты), который обладаетъ такою тонкою чувствительностью, что онъ видитъ нашъ мозгъ насквозь, во всѣхъ его мельчайшихъ движеніяхъ, измѣненіяхъ и процессахъ, и который при этомъ одаренъ высокимъ и проницательнымъ умомъ. Но представимъ себѣ, что онъ не имѣеть никакого понятія о томъ, что люди переживаютъ внутри себя, — обѣ ихъ ощущеніяхъ и мысляхъ, обѣ ихъ желаніяхъ, обѣ ихъ любви и ненависти, обѣ ихъ страданіяхъ и радостяхъ. Что же? Созерцая человѣческій мозгъ во всѣхъ подробностяхъ того, что въ немъ дѣлается, узнаетъ ли онъ человѣческую психологію и пойметъ ли человѣческую душу? Очевидно, нѣтъ. Онъ увидитъ безконечно сложныя движения безконечно многихъ и разнообразныхъ частицъ, составляющихъ наши нервы и нервные центры, — нѣкоторыя изъ этихъ движеній будутъ ему

до-тла понятны во всѣхъ своихъ перипетіяхъ, — нѣкоторыя въ своемъ окончательномъ направленіи, быть можетъ, покажутся ему загадочными, — но откуда онъ узнаетъ, какимъ изъ этихъ движеній соотвѣтствуютъ ощущенія, какимъ — понятія разума, какимъ — наши чувства, какимъ — тѣ или другія страсти? Эти частицы мозгового вещества обладаютъ определенными механическими, физическими и химическими свойствами, но на нихъ вовсе не написано, отвѣчаютъ ли онъ въ своихъ переталкиваніяхъ ощущеніямъ или мыслямъ, желаніямъ или отвращеніямъ. Между тѣмъ физіологъ, совсѣмъ отказавшійся отъ интроспективнаго метода, попадаетъ въ положеніе этого предполагаемаго небожителя, только съ тою важною разницей, что онъ далеко не имѣеть исчерпывающаго и полнаго познанія о процессахъ въ мозгу: но точно такъ же и онъ въ движеніяхъ мозга ничего не можетъ увидѣть, кроме движеній. Поэтому на практикѣ физіологи, пытающіеся строить психологію на чисто физіологическихъ данныхыхъ, всегда отправляются отъ какой-нибудь заранѣе усвоенной психологической системы и группируютъ физіологический матеріалъ сообразно съ ея требованіями и предположеніями. При этомъ качество ихъ работы находится въ самой тѣсной зависимости отъ этихъ заранѣе усвоенныхъ взглядовъ¹⁾.

III.

Безъ самонаблюденія нѣтъ психологии. Тѣмъ важнѣе систематически рѣшить вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ самонаблюденія, какъ метода познанія. Важнѣйшее его преимущество мы уже знаемъ: мы воспринимаемъ психическую дѣйствительность такъ, какъ она есть, въ ея подлинныхъ признакахъ. Въ связи съ нимъ находится другое, на кото-

---

¹⁾ Яркимъ тому примѣромъ служитъ *френология*; ея поклонники исходили отъ ложнаго психологического представленія о душевныхъ свойствахъ, наклонностяхъ и страстихъ, какъ о простыхъ обособленныхъ и довлѣющіхъ себѣ фактахъ психической жизни; и вотъ, соотвѣтственно этому предвзятыму взгляду, они для каждого свойства, каждой наклонности и страсти искали особаго мѣста въ видѣ возвышенія на поверхности черепа.

рое рѣже обращаютъ внимание: по крайней мѣрѣ нѣкоторыя душевныя явленія мы воспринимаемъ въ ихъ настоящей внутренней связи, въ ихъ дѣйствительной причинности. Въ этомъ заключается рѣзкое отличіе опыта внутренняго отъ опыта внѣшняго. Въ нашемъ внѣшнемъ восприятіи мы усматриваемъ только слѣдованіе явленій другъ за другомъ, но не воспринимаемъ прямо того, что ихъ связываетъ другъ съ другомъ. Оттого въ немъ, при первомъ знакомствѣ съ какимъ-нибудь фактомъ, нужны цѣлые ряды наблюденій и опытовъ, чтобы убѣдиться, что одно явленіе есть причина другого. Напр., нагрѣтое тѣло расширяется; но когда мы это видимъ въ первый разъ, откуда мы можемъ знать, что это отъ тепла? Камень безъ поддержки падаетъ; какъ много нужно наблюдать и думать, чтобы придти къ идеѣ всемирнаго тяготѣнія и т. д. Въ психической сфере замѣчается совсѣмъ другое: здѣсь прямо въ отдѣльныхъ случаяхъ, мы съ абсолютной увѣренностью усматриваемъ причинную связь. Я съ сознательной добровольностью двинулъ рукой,—и я знаю, что это я ее двинулъ, что причина ея движенія—моя воля, что рука не сама отъ себя двинулась и не по возбужденію отъ посторонней мнѣ силы. Чтобы увѣриться въ этомъ, мнѣ едва ли нужно припоминать ряды прошлыхъ опытовъ,—вѣдь и въ каждомъ прошломъ опытѣ я различалъ добровольность моихъ движеній только по присутствію моей воли, а конечно были въ прошломъ и движения невольныя, напр., по рефлексу, судорогѣ, подъ давленіемъ внѣшней силы и т. п. Или я чувствую жалость къ несчастному человѣку, составляю планы, какъ помочь ему, и осуществляю эти планы. Для меня непосредственно ясна причинная связь этихъ явленій: я составляю планы помочь, потому что жалѣю, и если бъ не жалѣль, нечего было бы мнѣ и хлопотать. Едва ли что уяснить намъ въ этомъ случаѣ наблюденіе надъ аналогичными внѣшними фактами. Какъ бы мы узнали, почему одинъ человѣкъ помогаетъ другому, если бы не наблюдали въ самихъ себѣ чувства жалости? Или я ненавижу человѣка и браню его. Едва ли нужны многіе опыты, чтобы убѣдиться,

что въ моей брани воплощается мое чувство къ этому человѣку. Или я рѣшаю математическую задачу и на основаніи известныхъ данныхъ прихожу къ опредѣленному решенію. Я при этомъ твердо знаю, что полученный результатъ вызванъ этими данными и что я потому только пришелъ къ нему, что надъ ними напряженно думалъ и искалъ соответствующаго имъ решенія. Все это я прямо въ себѣ пережилъ. Такъ судимъ мы и о другихъ людяхъ: сообразно съ ихъ характеромъ и настроениемъ, — одного отъ нихъ ждемъ, другого нѣтъ. Итакъ, въ очень многихъ случаяхъ критеріемъ явленій внутренняго міра въ отличіе отъ явленій міра внѣшняго служить намъ принципъ внутренней очевидности связей между причинами и дѣйствіями и прямо усматриваемаго соотвѣтствія между тѣми и другими.

Впрочемъ и въ нашей душевной сфере мы далеко не во всѣхъ случаяхъ воспринимаемъ внутреннюю связь протекающихъ въ ней явленій. Сплошь и рядомъ мы не только ничего не наблюдаемъ въ ней, кроме слѣдованія фактovъ другъ за другомъ во времени, но и остаемся при этомъ глубоко убѣжденными, что ничего, кроме слѣдованія во времени, въ ней въ данномъ случаѣ и нѣтъ. Положимъ, я осматриваю какой-нибудь заинтересовавшій меня ящикъ: я осмотрю его верхъ, потомъ перейду къ бокамъ, потомъ огляжу низъ его, потомъ его раскрою и осмотрю внутренность. Черезъ это получится рядъ психическихъ событий, — рядъ воспріятій различныхъ частей ящика. Но я не только не буду наблюдать при этомъ причинной зависимости между отдѣльными моментами ряда (напримѣръ, чтобы воспріятіе верха было *причиной*, или *порождало* воспріятіе боковъ), я буду, наоборотъ, глубоко увѣренъ, что тутъ вовсе и нѣтъ никакой причинной связи, а только простая послѣдовательность явленій. Я могъ бы начать осмотръ снизу или съ внутренности и увидалъ бы рѣшительно то же самое, только въ другомъ порядкѣ. И, напротивъ, если бы во время моего осмотра ящика вдругъ потухъ освѣщающій его свѣтъ, рядъ моихъ воспріятій прервался бы, все равно въ какомъ

бы порядкѣ я ни осматривалъ ящикъ. Совершенно поэтому ясно, что въ данномъ психическомъ рядѣ явленія предшествующія вовсе не суть *причины* послѣдующихъ; они только протекаютъ, но другъ друга не порождаютъ. Причина ихъ лежитъ не въ психическомъ рядѣ, а въ чисто физическихъ раздраженіяхъ нашего глаза, исходящихъ изъ внѣшней среды. Психически мы имѣемъ здѣсь только послѣдовательность и ничего больше. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество: къ нимъ относятся всѣ случаи, въ которыхъ рядъ психическихъ измѣнений въ насъ вызывается прямыми воздействиими физического міра.

Существуетъ другая группа случаевъ, въ которыхъ, хотя причинная зависимость между данными въ нашемъ сознаніи психическими фактами и можетъ быть предположена, но прямо она не усматривается и не наблюдается. Положимъ, я попалъ въ мѣстность, въ которой не былъ очень давно, но гдѣ живалъ когда-то подолгу. И вотъ, всматриваясь въ окружающую меня обстановку, я вдругъ съ необыкновенною ясностью припоминаю какое-нибудь событие, до такой степени забытое мною, что, кажется, его никогда и не было. Причина здѣсь, повидимому, налицо; она заключается въ моихъ теперешнихъ воспріятіяхъ, въ томъ, что я *увидѣлъ* мѣсто, гдѣ произошло это событие; воспоминаніе возникло во мнѣ, какъ результатъ дѣйствія законовъ асоціаціи идей по смежности и сходству. Тѣмъ не менѣе я не имѣю непосредственнаго сознанія о той интимной связи, которая привязываетъ мое воспоминаніе къ переживаемымъ воспріятіямъ. Я не вижу той неизбѣжности, которая заставляетъ мое воспоминаніе возникнуть именно въ данный моментъ. Я могу даже быть очень удивленъ, что оно стоитъ передо мной такъ ярко, хотя казалось, что съ нимъ уже давно все кончено. Или возьмемъ другой случай: я озабоченно думаю о какомъ-нибудь вопросѣ и вдругъ нежданно-негаданно въ мое сознаніе врывается воспоминаніе о какой-нибудь совершенно ничтожной и ничего не значащей для меня встрѣчѣ и развлекаетъ меня. Вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ одинъ

изъ капризовъ ассоціаціи идей. Но въ чёмъ онъ состоитъ, этого мы обыкновенно совсѣмъ не замѣчаемъ. Всего чаще мы бываемъ удивлены и раздосадованы такой внезапной помѣхой въ нашей внутренней работе.

Но есть еще и третья группа фактовъ, о которой я только что говорилъ. Мы хотимъ сдѣлать нѣкоторое опредѣленное движение рукой и совершаляемъ его. Мы любимъ кого-нибудь, и постоянно думаемъ объ этомъ лицѣ, желаемъ съ нимъ встрѣтиться и дѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы встрѣча состоялась. Мы ненавидимъ кого-нибудь и намъ противенъ всякий успѣхъ, которымъ пользуется этотъ человѣкъ, особенно если этотъ успѣхъ относится къ обстоятельствамъ, которые и заставили насъ его ненавидѣть,—мы стараемся разрушить его замыслы,—если наша ненависть совсѣмъ покорила нашу душу, мы будемъ искренно радоваться всякому его горю и несчастію. Напротивъ, если намъ кого-нибудь очень жаль, мы будемъ ломать себѣ голову, какъ помочь дорогому для насъ человѣку, и совершимъ цѣлый рядъ дѣйствій, чтобы вывести его изъ печальныхъ обстоятельствъ или по крайней мѣрѣ облегчить его положеніе. Если мы задумались надъ какимъ-нибудь труднымъ теоретическимъ вопросомъ, мы будемъ перебирать въ своемъ умѣ все, что относится къ интересующей насъ проблемѣ и будемъ настойчиво пытаться сопоставить эти данные такъ, чтобы изъ нихъ вышло рѣшеніе, отвѣчающее смыслу рассматриваемаго вопроса и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ (а ихъ можно было бы привести очень много) для насъ не можетъ быть сомнѣнія, гдѣ причины и гдѣ слѣдствія въ переживаемыхъ нами состояніяхъ и совершаемыхъ нами дѣйствіяхъ. Мы безусловно увѣрены, что если бы мы не хотѣли заданного рукѣ движения, она сама отъ себя не совершила бы его. Мы очень хорошо знаемъ, что если бы мы не ненавидѣли, мы и не хотѣли бы сдѣлать нашему ближнему непріятности. Мы не менѣе хорошо знаемъ, что если бы данная задача не интересовала насъ ни въ какомъ отношеніи, мы не стали бы надъ ней трудиться.

Во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ причинная связь между явленіями не только угадывается или выводится, она прямо и непосредственно усматривается и переживается. Для человѣка, желающаго насолить своему заклятому врагу, не зачѣмъ обращаться къ учебникамъ психологіи или объясненіямъ людей, умудренныхъ житейскимъ опытомъ, чтобы понять причину своего желанія: обѣ этомъ ему лучше всего скажетъ его собственное сердце.

Такимъ образомъ послѣдовательность психическихъ событий въ насъ представляеть *три* главные типа: 1) въ слѣдованіи психическихъ событий другъ за другомъ мы не только *не наблюдаемъ* ничего, кроме простого слѣдованія, но ничего больше и *не предполагаемъ*. Причину каждого данного звена ряда мы полагаемъ не въ предшествующихъ душевныхъ фактахъ, а внѣ психической сферы,—въ физическихъ процессахъ внѣ нашего организма или внутри его. Сюда относится весь нашъ чувственный опытъ,—такъ протекаютъ всѣ наши ощущенія. 2) Хотя мы наблюдаемъ только слѣдованіе психическихъ событий другъ за другомъ, иногда для насъ довольно неожиданное, мы все-таки предполагаемъ ту или другую внутреннюю причинную связь между ними. Сюда относятся факты возникновенія воспоминаній, внезапного пробужденія новыхъ мыслей, случайной и непроизвольной игры нашего воображенія и т. п. 3) Мы не только внутренне наблюдаемъ слѣдованіе психическихъ фактовъ другъ за другомъ, но и причинную связь между ними.

Какимъ же общимъ свойствомъ отличаются факты этой третьей группы? Во всѣхъ нихъ можно отмѣтить два признака: во-первыхъ, полное логическое соответствие между содержаниемъ причины и содержаниемъ слѣдствія (одно оказывается выводимымъ изъ другого). Въ самомъ дѣлѣ, когда мы известнымъ определеннымъ образомъ движемъ нашею рукою, воспринимаемое нами движение руки есть только изображеніе или повтореніе того движения, которое мы задумали раньше. Когда изъ жалости мы кому-нибудь поможемъ, смыслъ нашихъ дѣйствій находится въ полномъ со-

отвѣтствіи съ нашимъ общимъ желаніемъ облегчить чужія страданія наиболѣе пригоднымъ для того путемъ. Когда мы обдуманно и сознательно рѣшаемъ какую-нибудь задачу, приемы нашего рѣшенія представляютъ логически неизбѣжное слѣдствіе самаго существа задачи. Такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы поступаемъ цѣлесообразно, т. е. вѣрно понимаемъ условія, въ которыхъ намъ приходится дѣйствовать. Однако и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы заблуждаемся, наши дѣйствія находятся въ полномъ логическомъ соотвѣтствіи и съ нашими желаніями, и съ нашими ошибками въ оцѣнкѣ обстоятельствъ дѣла. Въ этомъ смыслѣ всякие сознательные поступки человека имѣютъ по крайней мѣрѣ *субъективную цѣлесообразность*. Во-вторыхъ, непремѣннымъ признакомъ фактовъ разматриваемой группы является наличность *воли и дѣятельныхъ стремлений*: во всѣхъ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ непремѣнно присутствуетъ наша воля—или въ началѣ или въ срединѣ процесса,—и непремѣнно присутствуютъ движущія нами дѣятельныя стремленія и побужденія. Понятіе *дѣятельности, активности, усилия* представляетъ какъ бы особую *психологическую категорію* или высшее неразложимое понятіе, извлекаемое изъ того порядка душевныхъ явлений, о которомъ я говорю теперь. Въ этомъ понятіи мы обобщаемъ непосредственно усматриваемое и переживаемое въ нашихъ усиляхъ и стремленіяхъ ихъ *производящее или причиняющее* отношеніе къ ихъ эффектамъ, тотъ фактъ, что именно они, а не что-нибудь другое, суть *причины* данныхъ дѣйствій: я двинулъ рукою, потому что хотѣлъ этого и только потому. Въ иныхъ случаяхъ это *производящее или причинное* отношеніе нашей дѣятельной воли къ переживаемымъ нами состояніямъ, какъ *ея дѣйствіямъ*, достигаетъ замѣчательной наглядности. Положимъ, я хочу сдѣлать усилие и дѣлаю его. Здѣсь мое настойчивое хотѣніе сдѣлать усилие само уже есть своего рода *усилие* (твердо выраженное стремленіе), и такимъ образомъ въ данномъ случаѣ причина есть усилие въ его зарожденіи, дѣйствіе есть усилие въ его развитіи, при чёмъ

всѣ моменты перехода отъ одного къ другому не только про текли передъ нами и пережиты нами, но они *продѣланы* нами,— вѣдь усилие это *наше*. Или я хочу сосредоточиться на чѣмъ нибудь и сосредоточиваюсь. Не имѣемъ ли мы здѣсь того же самаго? Вѣдь само хотѣніе сосредоточиться есть уже неизбѣжное отвлеченіе своей мысли отъ всего другого. Или я хочу о чѣмъ-нибудь не думать, и не думаю или по крайней мѣрѣ каждый разъ удаляю противныя мнѣ представлѣнія. Опять и здѣсь повторное удаленіе данной мысли есть только продолженіе того первого сопротивленія ей, которое я оказалъ ей именно тѣмъ, что не захотѣлъ о ней думать. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ лишь различіе моментовъ во времени и достигнутой интенсивности въ однородномъ содержаніи,—самомъ нашемъ усилии.

Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, мы уже не имѣемъ такой полной наглядности переживаемаго нами внутренняго причиннаго процесса; его звенья уже не имѣютъ качественной однородности; болѣе того, его отдѣльные моменты, вытекающіе изъ нашихъ дѣятельныхъ стремленій и актовъ нашей воли, хотя и зависятъ отъ этихъ стремленій и актовъ, но очевиднымъ образомъ не отъ нихъ однихъ. Я двигаю рукой по своему желанію; но вѣдь это лишь до тѣхъ поръ, пока рука моя здорова,—если она будетъ парализована, она будетъ неподвижна, несмотря ни на какія мои усиленія; хотя, съ другой стороны, она была бы неподвижна и теперь, при своемъ здоровомъ состояніи, если бы я *не хотѣлъ*, чтобы она двигалась. Такъ и въ другихъ примѣрахъ,—чтобы помочь или повредить ближнему, надо быть способнымъ къ дѣйствію; чтобы разрѣшить научный вопросъ, надо имѣть здоровую и ясную голову и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наша воля является не единственнымъ факторомъ, рядомъ съ нею присутствуютъ и другие,—въ видѣ помогающихъ или препятствующихъ ей условій дѣйствія. Вслѣдствіе этого не всѣ звенья ряда намъ одинаково ясны и понятны,—нѣкоторыя, напротивъ, остаются тусклыми и темными. Какъ увидимъ потомъ, въ этомъ отношеніи можно выставить слѣ-

дующее общее правило: наши дѣйствія ровно настолько намъ непосредственно понятны, насколько они зависятъ отъ насъ самихъ; наоборотъ, въ нихъ все загадочно и недоступно въ своемъ внутреннемъ механизмѣ для прямого наблюденія, что внесено вліяніемъ постороннихъ для насъ факторовъ. И тѣмъ не менѣе, каждый изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ имѣеть указанные сейчасъ два признака: логическое соотвѣтствіе между причинами и дѣйствіями и присутствіе въ насъ волевыхъ актовъ и дѣятельныхъ стремленій.

Эти, на основаніи опыта полученные выводы о нашемъ непосредственномъ переживаніи внутренней причинности духа, вѣроятно, вызовутъ возраженія со стороны очень многихъ психологовъ. Между ними существуютъ цѣлые школы, которые отрицаютъ всякую духовную причинность вообще: наглядная иллюстрація къ тому общему факту, что въ психологии очень часто самая ясная показанія опыта отвергаются ради предвзятыхъ теоретическихъ соображеній. Въ наши дни въ психологии пользуется широкою популярностью взглядъ, по которому психические факты сами по себѣ не могутъ быть ни чему *причиной*. Они представляютъ изъ себя только субъективные отраженія процессовъ въ нашемъ мозгѣ, а въ этихъ процессахъ нѣтъ никакой другой необходимости, кроме чисто-физической. Поэтому психические факты не имѣютъ никакого вліянія ни на то, что дѣлается въ мозгу, ни другъ на друга. Они только отражаютъ мозговыя измѣненія, но сами совершенно *бездѣйственны*. Именно такова точка зрењія такъ называемаго *эпифеноменизма*.

Въ моихъ прежнихъ статьяхъ я уже много разъ останавливался на этомъ взглядѣ и старался показать, насколько поспѣшень и неправиленъ такой судъ надъ прямymi свидѣтельствами внутренняго опыта. Теперь, мнѣ кажется, нѣтъ нужды повторять эти соображенія—и по простой причинѣ. Отвергая психическую причинность въ принципѣ, психологи всѣхъ школъ обыкновенно признаютъ ее на дѣлѣ и не могутъ поступать иначе въ виду требованій оче-

видности. Сторонники эпифеноменизма, напримѣръ, полагаютъ, что психическія явленія сами по себѣ ничего породить не могутъ, но это нисколько обыкновенно не мѣшаетъ имъ факты третьей группы, съ немногими измѣненіями, толковать такъ же, какъ ихъ растолковали сейчасъ мы. Правда они не считаютъ волю *причиной* движенія руки, чувства и стремленія—*причинами* нашихъ поступковъ, но зато они видятъ въ нихъ *необходимыя предшествующія обстоятельства* данныхъ эффектовъ. Они все-таки согласны (развѣ за очень немногими исключеніями), что не будь моего *хотѣнія*, моя рука не двинулась бы,—не будь во мнѣ жалости, я не сталъ бы помогать, не будь ненависти, я не сталъ бы отвращаться отъ человѣка или вредить ему. Для нихъ только и хотѣніе, и ненависть, и жалость, суть не болѣе, какъ субъективные показатели отвѣчающихъ имъ физическихъ процессовъ, которые и производятъ наблюдаемыя нами *внѣшнія дѣйствія*. Съ этой точки зрењія опять выходитъ, что мы въ себѣ воспринимаемъ настоящую причинную связь происходящаго съ нами и вѣрно усматриваемъ отношеніе моментовъ дѣйствія между собою,—только дѣлаемъ это не *прямо*, а чрезъ призму нашихъ субъективныхъ показателей. Различие получается лишь въ теоретической тонкости, при чемъ однако остается вполнѣ непостижимымъ, откуда въ сознаніи берется такое ясновидѣніе истиннаго причиннаго порядка явленій, хотя мы ихъ воспринимаемъ не въ ихъ настоящемъ видѣ? Вѣдь по отношению къ фактамъ второй группы (пробужденію внезапныхъ воспоминаній, неожиданныхъ мыслей и т. д.) это ясновидѣніе совершенно отсутствуетъ, отчего же оно съ неизбѣжностью возникаетъ тамъ, гдѣ замѣшана наша волевая сфера? На всѣ эти недоумѣнія доктрина эпифеноменизма едва ли можетъ дать толковый отвѣтъ. Для насъ впрочемъ важно другое: во всякомъ случаѣ фактъ внутренняго воспріятія причинныхъ связей совершающагося въ насъ такъ или иначе признается всѣми, а пускаться въ анализъ всѣхъ его возможныхъ объясненій было бы теперь неумѣстнымъ.

IV.

Непосредственное воспріятіе внутренней дѣйствительности душевной жизни и прямое усмотрѣніе причинной связи ея процессовъ суть такія преимущества самонаблюденія, которыхъ не имѣетъ никакой другой методъ познанія и которая выдвигаютъ философское значеніе психологіи и даютъ ей особое положеніе среди другихъ наукъ. Однако если велики достоинства метода самонаблюденія, то не менѣе того велики и его недостатки. На одномъ изъ нихъ мы уже останавливались: своимъ самонаблюденіемъ мы невольно привязаны къ индивидуальному содержанію нашей собственной душевной жизни. Но это далеко не единственный его недостатокъ: рядомъ съ нимъ есть много другихъ, не менѣе серьезныхъ.

Среди недостатковъ, принадлежащихъ самой природѣ нашего самонаблюденія сравнительно съ наблюденіемъ вѣшняго міра, прежде всего приходится остановиться на той общей формѣ, въ которой намъ являются психические факты. Всѣ предметы вѣшняго опыта даны намъ въ пространствѣ, всѣ факты внутренняго опыта даны намъ только во времени. Уже отсюда получается очень важное различіе между науками физическими и психологіей, которое служить не въ пользу послѣдней. Ко всѣмъ видамъ и процессамъ вѣшней природы прилагаются законы геометріи и наукъ, съ ней связанныхъ, — прежде всего, напримѣръ, механики; напротивъ, къ процессамъ нашего внутренняго опыта ни геометрія, ни механика въ сколько-нибудь опредѣленномъ значеніи этихъ терминовъ не имѣютъ никакого примѣненія. Между тѣмъ наше точное математическое знаніе какихъ бы то ни было явленій находится въ тѣсной зависимости отъ приложимости къ нимъ геометрическихъ и механическихъ схемъ, — вся исторія науки подтверждаетъ это. Вообще бытіе въ пространствѣ представляеть для нашей мысли несравненно болѣе устойчивое содержаніе, чѣмъ бытіе только во времени. Въ пространствѣ за разъ дано безконеч-

но много, притомъ въ очень многообразныхъ и абсолютно опредѣленныхъ отношеніяхъ,—вѣдь пространство по самому общему смыслу понятія о немъ есть *форма сосуществованія явлений*. Время, напротивъ, есть общая форма ихъ *съданія*, въ немъ все неудержимо протекаетъ и ничто не стоитъ неподвижно. Въ пространствѣ мы имѣемъ цѣлыхъ *три измѣренія*,—про время обыкновенно говорятъ, что въ немъ только *одно измѣреніе*. Однако и это одно измѣреніе отличается отъ измѣреній въ пространствѣ очень невыгоднымъ свойствомъ: длина въ пространствѣ представляеть нечто за разъ данное во всѣхъ своихъ частяхъ, ее можно поэтому пройти и впередъ, и, повторнымъ движеніемъ, назадъ; напротивъ, длина во времени выражается непрерывнымъ и абсолютнымъ исчезновеніемъ всѣхъ предшествующихъ моментовъ при наступленіи каждого новаго,—поэтому возвратное движение по ней совершенно немыслимо. Оттого все данное въ пространствѣ *измѣримо*: каждую данную въ немъ величину мы можемъ сравнить съ другими, намъ извѣстными. И это относится не только къ неподвижнымъ предметамъ въ пространствѣ,—это одинаково справедливо и о процессахъ въ немъ. Вѣдь процессы въ пространствѣ сводятся къ различнымъ видамъ движенія. Между тѣмъ всякое движение проходитъ какія-нибудь разстоянія и измѣряется линіями пройденныхъ путей. Подобнымъ же образомъ измѣряется скорость движенія черезъ сравненіе проходимыхъ путей съ линіями знакомыхъ намъ движеній (напримѣръ, стрѣлки по циферблату часовъ). Наоборотъ, время, взятое отвлеченно отъ пространства, *неизмѣримо* въ точномъ смыслѣ слова. Вся суть времени въ томъ, что все, въ немъ данное, непрерывно проходитъ. Оттого явления, которыя совершаются только во времени, могутъ быть измѣряемы лишь приблизительно и притомъ лишь косвеннымъ образомъ, — черезъ сопоставленіе съ пространственными измѣненіями (напримѣръ, когда мы измѣряемъ теченіе нашихъ душевныхъ состояній помошью движенія секундной стрѣлки).

Съ этимъ первымъ недостаткомъ всякаго самонаблюденія тѣсно связанъ второй: все подлежащее времени, какъ своей исключительной формѣ, неудержимо протекаетъ со всѣмъ своимъ содержаніемъ; поэтому хотя вѣрно, что психические факты открываются нашему самонаблюденію въ своей внутренней полной дѣйствительности, но это относится только къ каждому переживаемому моменту, пока онъ переживается, т. е. только къ *психологическому настоящему*. Своего прошлаго мы не воспринимаемъ прямо: оно дается намъ только въ посредствующей формѣ *воспоминанія*. Между тѣмъ наше настоящее содержить въ себѣ только очень ограниченный кругъ данныхъ,—по крайней мѣрѣ ясно сознаваемыхъ: за разъ мы можемъ вмѣщать въ себѣ лишь весьма небольшое количество психическихъ фактовъ, определенно выразившихся въ своихъ различіяхъ. Ни одинъ душевный процессъ (сознаваемый какъ таковой) не попадаетъ въ наше настоящее цѣликомъ; въ каждый данный моментъ мы переживаемъ только его отдельные звенья, имѣя предшествующія звенья лишь въ *воспоминаніи*, послѣдующія только въ *ожиданіи*. Черезъ это вопросъ о природѣ воспоминанія получаетъ первостепенное значеніе для интроспективнаго метода. И вотъ мы наталкиваемся на слѣдующій фактъ: наша память, по крайней мѣрѣ сознательная, есть довольно тусклое, а во многихъ отношеніяхъ и прямо невѣрное зеркало пережитого нами. Не говоря уже о безчисленныхъ *индивидуальныхъ* различіяхъ въ устройствѣ памяти у отдельныхъ людей,—наша способность воспоминанія уже по своимъ основнымъ свойствамъ обладаетъ важными недостатками какъ общаго, такъ и специального характера. Главный ея общий недостатокъ состоить въ *неполнотѣ* воспроизведенія пережитыхъ процессовъ. Память наша сохраняетъ только наиболѣе рѣзкіе и яркие моменты въ нихъ. Напротивъ, мелкія детали, хотя онѣ иногда могутъ имѣть очень существенное значеніе, обыкновенно теряются для насъ безслѣдно. Это можетъ испытать на себѣ каждый, кто, недавно переживъ что-нибудь, особенно заинтересованъ въ томъ, чтобы вспом-

нить всѣ подробности протекшаго событія: онъ очень скоро съ грустью убѣдится, что весьма многіе пункты въ припоминаемой картинѣ оказываются пустыми и темными. Такимъ образомъ наша память очень многое пропускаетъ въ пережитой нами дѣйствительности. Ея другой недостатокъ въ томъ, что она нерѣдко положительнымъ образомъ иска-
жаетъ наше прошлое. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, приходится имѣть дѣло съ тѣмъ, что можно назвать *тенден-
ціозностью* нашей памяти. Моменты тяжелые или постыдные въ нашемъ прошломъ обыкновенно плохо удерживаются памятью,—подчиняясь нѣкоторому побужденію самосохраненія, она какъ бы убѣгаетъ отъ нихъ: мы стараемся о нихъ забыть. Напротивъ, моменты пріятные или хотя и безразличные, но интересные своимъ разнообразiemъ запоминаются нами хорошо. Оттого между прочимъ наша память въ общемъ имѣеть наклонность къ невольному *оптимизму*, что сказывается въ любопытныхъ аберраціяхъ памяти: са-
мые тяжелые періоды нашей жизни иногда не только вспоминаются потомъ съ удовольствиемъ, но серьезно разсма-
триваются самими воспоминающими, какъ время для нихъ очень счастливое или даже какъ самое счастливое время въ ихъ прошломъ. Вѣроятно, многимъ приходилось слыхать отъ людей, бывшихъ на войнѣ и испытавшихъ при этомъ самыя тяжелыя ощущенія горя, страха, отчаянія, холода, голода, быть можетъ жестокихъ физическихъ страданій отъ болѣзней и ранъ, что это все-таки было самое счастливое время ихъ жизни. Какъ объяснить этотъ фактъ? Сказывает-
ся ли въ такой оцѣнкѣ просто слѣдствіе пріятнаго контра-
ста между прежними волненіями и теперешнимъ спокой-
ствиемъ, который заставляетъ думать о пережитыхъ бѣд-
ствіяхъ съ удовольствиемъ? Едва ли дѣло только въ этомъ:
вѣдь тогда все-таки сохранялось бы сознаніе о бѣдствен-
ности прошлаго. Скорѣе здѣсь мы имѣемъ болѣе сложный
случай: тяжелые моменты былого времени въ памяти испы-
тавшихъ ихъ потускнѣли и сгладились, а то, что было въ
немъ привлекательного, — разнообразіе впечатлѣній, подъ-

емъ душевной энергіи, необычайная полнота жизни, — это все не только осталось въ воспоминаніи, но, быть можетъ, даже и выросло противъ своего дѣйствительного уровня. Въ самомъ дѣлѣ надо считаться и съ этимъ послѣднимъ факторомъ: на помощь памяти слишкомъ часто приходитъ *воображение* и дополняетъ отъ себя забытые моменты событий. Оно нечувствительно передѣлываетъ прошлое, или украшаетъ его или, напротивъ, омрачая, смотря по нашему настроению. Оттого на свѣтѣ такъ много безсознательныхъ лгуновъ.

Рядомъ съ этимъ приходится указать на важные специальные недостатки нашей памяти. Далеко не всѣ психических состоянія, при равныхъ условіяхъ, воспроизводятся въ нашемъ воспоминаніи одинаково хорошо. Напротивъ, здѣсь существуетъ огромная градація степеней. Если, наприм., мы обратимся къ ощущеніямъ, то замѣтимъ, что мы сравнительно хорошо воспроизводимъ въ памяти цвѣта, оттенки, видимыя формы, движения, звуки и ихъ различные сочетанія. Но ощущенія такъ называемыхъ *низшихъ* чувствъ воспроизводятся уже гораздо хуже. Попробуемъ, наприм., со всею отчетливостью вспомнить вкусъ или запахъ даже какого-нибудь очень знакомаго намъ вещества или предмета и мы скоро почувствуемъ внутреннее затрудненіе. Мы замѣтимъ, что въ нашемъ воспоминаніи не хватаетъ чего-то очень существеннаго. Если дѣло идетъ о запахѣ, то мы хорошо вспомнимъ его дѣйствие на дыханіе (удушливъ онъ или нѣтъ), вспомнимъ его осязательное или органическое дѣйствие (острый онъ или нѣтъ), вспомнимъ его отношеніе къ нашему самочувствію (пріятный онъ или непріятный); но самая суть запаха, его непередаваемое внутреннее качество, которое мы однако отлично знаемъ, пока предметънюхаемъ, отъ насъ куда-то ускользнетъ. Если отъ него что и останется въ нашемъ сознаніи, то нѣчто весьма неясное, тусклое и неопределенное¹⁾. То же самое относится и къ вку-

¹⁾ Правда, въ этомъ отношеніи, повидимому, наблюдаются значительныя индивидуальные колебанія и различія. Нѣкоторые люди утверждаютъ, что они

су. Попытаемся вспомнить вкусъ чернаго хлѣба такъ же ясно, какъ мы, положимъ, вспоминаемъ цвѣтъ его. Опять и это едва ли удастся намъ; мы вспомнимъ не самый вкусъ, а скорѣе его сопровождающія обстоятельства: вяжущее дѣйствіе на ротъ, обонятельное воздействиe на дыхательный процессъ и т. д. Но то, что во вкусѣ есть самаго существеннаго, опять внутренно куда-то уплываетъ отъ насъ или получить очень неясный обликъ.

И это относится далеко не къ однимъ ощущеніямъ обонянія и вкуса: въ душѣ, пожалуй, гораздо болѣе состояній слабо воспроизводимыхъ, чѣмъ хорошо воспроизводимыхъ. Это не означаетъ, однако, что они совсѣмъ забываются,— разъ мы ихъ узнаемъ при всякомъ новомъ воспріятіи, какъ давно знакомыя—значить мы ихъ помнимъ, хотя и не можемъ ихъ отчетливо воспроизвести воображеніемъ¹⁾. Въ этомъ отношеніи нужно очень различать между запоминаемостью душевныхъ состояній и ихъ воспроизводимостью по произволу. Возьмемъ чувство боли,—оно оказывается въ положеніи совершенно аналогичномъ обонятельнымъ и слуховымъ ощущеніямъ. И тутъ мы вспоминаемъ скорѣе сопровождающія обстоятельства, чѣмъ самую боль. Мы помнимъ, длящаяся она или прерывистая, тупая или острая, рѣжущая или ноющая, выносимая или совсѣмъ нестерпимая,—т. е. мы вспоминаемъ свойства ея теченія, ея осязательного воздействиe, ея отношенія къ нашему общему самочувствію, а не то, что составляетъ въ ней для насъ самое главное и отъ чего зависитъ все остальное; хотя мы тотчасъ же узнаемъ это главное, когда ощутимъ боль, испытанную раньше.

Слабо воспроизводимыми оказываются факты и болѣе сложнаго, высокаго порядка. Попытаемся во всѣхъ подробнѣ

очень хорошо воображаютъ себѣ запахи самыхъ разнообразныхъ веществъ. Однако и они обыкновенно соглашаются, что представляютъ разные запахи менѣе отчетливо и ясно, чѣмъ, напр., зрительные образы.

1) Запахи воспроизводятся въ воображеніи плохо; тѣмъ не менѣе обоняніе справедливо называется чувствомъ памяти, потому что запахи, прежде испытанные, потомъ очень живо напоминаютъ обстоятельства, при которыхъ они были восприняты.

ностяхъ и со всею отчетливостью вспомнить какое-нибудь очень сильное чувство, никогда владѣвшее всѣмъ нашимъ существомъ, но которое теперь уже прекратилось и мотивы для которого совсѣмъ исчезли. Исполнить эту задачу легче, чѣмъ вспомнить боль или запахъ, но разрѣщается она все таки-лишь окольнымъ путемъ: чтобы вспомнить прежнее чувство, надо усилиемъ воображенія совсѣмъ отвлечься отъ новыхъ обстоятельствъ нашей жизни и всецѣло перенестись въ прежнюю обстановку и въ прежнія житейскія отношенія. Чѣмъ ярче мы ихъ себѣ представимъ, не думая ни о чёмъ другомъ, тѣмъ яснѣе проснется въ насъ прежнее чувство, но уже не въ качествѣ безстрастной идеи о чувствѣ, а скорѣе въ видѣ его хотя и слабаго, но повторнаго переживанія. Какъ чужія чувства мы понимаемъ, только живо поставивъ себя въ положеніе другихъ людей и принудивъ себя внутренно пережить то, что они должны испытывать, такъ и свои собственные чувства въ прошломъ мы воспроизводимъ ясно черезъ ихъ повторное симпатическое переживаніе.

Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать и объ актахъ нашей воли. Во время совершеннія нашихъ дѣйствій мы всѣмъ существомъ чувствуемъ ихъ полную зависимость отъ насъ и ихъ происхожденіе изъ нашихъ внутреннихъ рѣшений и усилий. Но когда дѣло кончено, мы часто съ недоумѣніемъ спрашиваемъ себя: гдѣ же тутъ была наша добрая воля? И мы нерѣдко готовы свалить на неизбѣжное сдѣленіе обстоятельствъ тѣ самые свои поступки, которые всецѣло вмѣняли себѣ, когда совершали ихъ. Только путемъ сосредоточенного и добросовѣстного воспроизведенія въ нашемъ воспоминаніи всѣхъ обстоятельствъ нашего поведенія мы можемъ до нѣкоторой степени воспроизвести для себя и добровольность ихъ, опять-таки черезъ повторное переживаніе. Что акты воли въ воспоминаніи воспроизводятся плохо, это доказывается и болѣе элементарными фактами. Напримеръ, пока я по произволудвигаю рукою въ разныя стороны, я совершенно увѣренъ, что я самъ еюдвигаю.

Но когда движение кончилось, я уже могу испытывать сомнѣніе, точно ли я не былъ къ тому вынужденъ и дѣйствовалъ по собственному почину? Сомнѣніе ослабляется здѣсь только доступностью повѣрки.

Напротивъ, легко воспроизведимыми, — кромѣ ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ, нѣкоторыхъ осязательныхъ (въ особенности смѣшанныхъ съ ощущеніями мускульного чувства), нѣкоторыхъ чисто-мускульныхъ, и кромѣ всѣхъ безчисленныхъ представлений нашего воображенія, возникшихъ изъ разнообразныхъ комбинацій въ этихъ ощущеніяхъ,—оказываются всѣ логические процессы нашего ума по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается ихъ формальной стороны и ихъ объективнаго содержанія. Разъ мы хорошо усвоили решеніе какой-нибудь задачи, мы всегда можемъ его повторить во всѣхъ его деталяхъ. Разъ мы ясно обдумали какой-нибудь предметъ, мы не только будемъ помнить общій выводъ, къ которому пришли, но при нѣкоторомъ сосредоточеніи мысли можемъ указать и всѣ основанія, которыя насы къ нему привели, и т. д.

Сейчасъ высказанныя соображенія позволяютъ, повидимому, сдѣлать слѣдующее общее заключеніе: въ нашемъ сознаніи легче воспроизводятся *объективные* его элементы, т. е. то, что въ немъ относится къ внѣшнему миру и составляетъ содержаніе внѣшняго опыта, нежели элементы *субъективные*, обнимающіе чисто внутреннюю область дѣятельности нашего я и его отвѣтныхъ реакцій на впечатлѣнія извнѣ. Вся психическая жизнь на всѣхъ стадіяхъ ея развитія можетъ быть охарактеризована, какъ непрерывная встрѣча нашего *субъекта* съ *даннымъ ему объектомъ*. И вотъ все, что въ ней относится къ дѣйствію объекта (непосредственное дѣйствіе объекта — ощущеніе, объединяющее разныя ощущенія воспріятіе, воспроизводящее воспріятія представлениe, обобщающее отдѣльныя представлениe объективное понятіе), легче воспроизводится по своему содержанію, чѣмъ отвѣчающіе этому дѣйствію чисто субъективные моменты нашего существованія. Такъ въ ощущені-

яхъ ихъ тонъ, т. е. ихъ непосредственно приятное или неприятное дѣйствие на наше самочувствіе, воспроизводится труднѣе, чѣмъ ихъ качество, т. е. данное въ нихъ объективное содержаніе. Оттого чѣмъ большую роль въ ощущеніяхъ играетъ тонъ, тѣмъ оно труднѣе воспроизведимо. Въ этомъ, быть можетъ, заключается главная причина, почему ощущенія органическія (напр., боли) а также ощущенія обонянія и вкуса воспроизводятся дурно: въ нихъ тонъ несомнѣнно преобладаетъ надъ качественной стороной¹⁾. Отсюда же должна объясняться сравнительно трудная воспроизведеніость во всемъ ихъ конкретномъ содержаніи нашихъ отдельныхъ чувствованій, эмоцій, прошлыхъ желаній, актовъ воли.

V.

Итакъ, наше психическое прошлое представляется намъ не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ дѣйствительно переживались составлявшія его внутреннія состоянія. Съ нами происходитъ какъ бы перспективная иллюзія: наиболѣе существенное и центральное въ моменты переживанія потомъ слаживается и стушевывается,—напротивъ, периферическое и производное въ нихъ выдвигается въ воспоминаніи на первый планъ. Эта иллюзія имѣеть огромное вліяніе на односторонность и неточность психологическихъ описаній. У отдельныхъ изслѣдователей при известномъ складѣ ума и при известныхъ предвзятыхъ взглядахъ она очень помогаетъ игнорировать въ душевной жизни то, что въ ней есть самаго тонкаго, но въ то же время и самаго важнаго и основнаго.

---

¹⁾ Напримѣръ, въ области запаховъ, мы довольно легко представляемъ себѣ даже самая тонкія различія между ароматами отдельныхъ цветовъ — розы, сирени, ландыша. Но едва ли кому-нибудь удастся (по крайней мѣрѣ въ нормальныхъ условіяхъ) вполнѣ адекватно и съ совершенной отчетливостью вообразить сильный запахъ гноя, совсѣмъ разложившагося трупа и т. п. Дѣло въ томъ, что весьма существеннымъ элементомъ ощущеній послѣдней категоріи является неотдѣлимое отъ нихъ *отвращеніе* къ нимъ. Ихъ такъ же трудно вообразить себѣ, какъ трудно живо вообразить тошноту, когда не тошно.

Въ виду этого казалось бы, что нужно особенно дождить наблюдениемъ надъ психическими фактами въ самый моментъ ихъ совершения, т. е. поскольку они протекаютъ въ настоящемъ. И действительно, до известной степени мы способны явиться наблюдателями того, что въ насъ дѣлается сейчасъ. Нашему сознанію всегда присуща какъ бы нѣкоторая сила внутренняго раздвоенія, благодаря которой оно одновременно является и тѣмъ, что сознаетъ, и содержаниемъ сознанія. Мы вѣдь не только чувствуемъ, думаемъ, хотимъ, мы въ то же время и знаемъ о томъ, что сейчасъ чувствуемъ, или хотимъ, или думаемъ. Это превращеніе самого себя въ предметъ сознанія есть *самосознаніе*. Въ нѣкоторой мѣрѣ эта способность оказывается у насъ въ каждое мгновеніе нашего духовнаго бытія. Ясное самосознаніе проявляется въ насъ далеко не всегда, но если отчетливое самосознаніе въ насъ нерѣдко отсутствуетъ, нѣкоторая степень *самочувствія* все-таки должна быть дана во всѣ моменты нашего внутренняго существованія. Если мы совсѣмъ не чувствуемъ себя, мы не можемъ чувствовать и ничего другого, — это слѣдовало бы считать непреложной истиной психологіи. Пользуясь этой силой самораздвоенія, мы можемъ одновременно явиться и дѣятелями и зрителями своего душевнаго процесса. При известномъ навыкѣ и самообладаніи мы можемъ присматриваться къ протекающему внутри насъ потоку психическихъ измѣненій и по горячимъ слѣдамъ схватывать и отмѣтывать всѣ ихъ оттѣнки.

И все же этотъ способъ наблюденія за собою въ самый моментъ переживанія психическихъ фактовъ далеко не замѣняетъ анализа психической жизни при помощи воспоминанія. Прежде всего самонаблюденіе въ моментъ переживанія по необходимости должно имѣть очень узкій кругозоръ: мы должны стараться ограничить свой анализъ лишь тѣмъ содержаниемъ, которое дано въ настоящемъ. Я уже не говорю о томъ, что такая задача по существу невыполнима до конца: настоящее неудержимо переходитъ въ прошлое и, стало быть, на немъ нельзя сосредоточиться, какъ на таковомъ: всякий

психическій фактъ, какъ бы несложенъ и коротокъ онъ ни былъ, неизбѣжно имѣеть нѣкоторую длительность, и, слѣдовательно, для нашего сознанія въ немъ непремѣнно даны вмѣстѣ съ настоящимъ содержаніемъ и его протекшіе моменты. Нельзя воспринять абсолютно мгновеннааго. Всякое наше внутреннее воспріятіе какого бы то ни было психического содержанія есть синтезъ цѣлаго ряда моментовъ. Если мы, напримѣръ, переживаемъ зрительное ощущеніе, то сначала мы имѣемъ только общій толчокъ въ сознаніи, который еще не пріурочили ни къ какому опредѣленному факту нашей психической жизни. Далѣе оно является намъ, какъ впечатлѣніе зрительного характера вообще, но также еще весьма неопределенное; затѣмъ уже мы его внутренно опредѣляемъ, какъ нѣкоторое качество (тотъ или другой цветъ) и, обыкновенно, лишь послѣ этого мы способны усмотрѣть форму того, что видимъ. Эти моменты протекаютъ очень быстро другъ за другомъ, но все-таки различаются между собой. Аналогичные соображенія относятся и ко всякому другому психическому состоянію.

Но и помимо этихъ неизбѣжныхъ ограниченій, самонаблюдение въ настоящій моментъ и въ предѣлахъ данного въ немъ содержанія ведетъ къ очень серьезному недостаткамъ въ получаемыхъ результатахъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ фактомъ огромной важности: *психическія события въ насъ, при вниманіи къ нимъ съ нашей стороны, текутъ совсѣмъ иначе, чѣмъ когда такого вниманія нѣтъ.* Сосредоточенное наблюденіе действуетъ на происходящіе въ насъ процессы ослабляющими или усиливающими, вообще искажающими ихъ образомъ. Положимъ, мы хотимъ замѣтить, какъ мы сердимся, и въ此刻ъ гнева начинаемъ усиленно наблюдать за собою,— мы, конечно, этимъ путемъ не узнаемъ, какъ мы *обыкновенно* сердимся. Ставши сами надъ собой посторонними наблюдателями, мы лишимъ наше чувство и его силы, и его цѣльности: уже не оно будетъ владѣть нами, а мы имъ. Поэтому мы или вовсе не увидимъ того, чего ожидаемъ, или будемъ сами передъ собою разыгрывать роль сильно сердяща-

гося человѣка, но безъ соотвѣтствующихъ ощущеній. Или, положимъ, мы захотѣли наблюсти во всѣхъ подробностяхъ, какъ мы размышляемъ о какомъ-нибудь вопросѣ. Будетъ великимъ самообманомъ съ нашей стороны, если мы подумаемъ, что въ этомъ случаѣ мы воспримемъ нашъ мыслительный процессъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ совершаться всегда. Напротивъ, онъ сразу облечется въ необычныя формы: онъ сдѣлается вялымъ, неустойчивымъ, прерывистымъ. Ровно настолько, насколько мы заинтересуемся самонаблюденіемъ, потеряетъ въ интересѣ тотъ вопросъ, разрѣшеніе кото-раго мы въ себѣ наблюдаемъ. Наше вниманіе будетъ раз-рываться между различными задачами, и мы испытаемъ до-вольно мучительное внутреннее раздвоеніе. Результатъ нашей умственной работы подъ усиленнымъ собственнымъ контролемъ едва ли будетъ обладать серьезною цѣнностью: избытокъ контроля неизбѣжно ослабить энергию нашей мысли. Аналогичное слѣдствіе получится и въ томъ случаѣ, если мы захотимъ, напримѣръ, сосредоточенно наблюдать, какъ именно мы получаемъ отъ чего - нибудь удовольствіе. Удовольствіе необходимо мы получимъ тѣмъ меныше, чѣмъ больше будемъ себя развлекать и отвлекать наблюденіемъ. Въ жизни разрушающее дѣйствіе на нормальный ходъ пси-хическихъ дѣятельностей со стороны напряженного само-наблюденія самихъ дѣйствующихъ встрѣчается посто-янно. Актеръ, который въ страстной, горячей сценѣ станетъ слишкомъ наблюдать за своими интонаціями, на-вѣрное сыграетъ слабо и холодно. Самонаблюденіе раз-рушить въ немъ то, что для него должно быть самымъ главнымъ: оно разрушить его увлеченіе. Ораторъ, кото-рый начнетъ беспокойно слѣдить за каждымъ своимъ словомъ, всего скорѣе сбьется и запутается и т. д. Точно также искажающее и разъѣдающее вліяніе рефлексіи на самыя простыя и естественные чувства составляетъ фактъ, слишкомъ хорошо извѣстный въ исторіи культуры.

При этомъ нельзя не отмѣтить, что недостатки самона-блуденія въ моментъ теченія психическихъ состояній пред-

ставляютъ значительную аналогію съ недостатками самонаблюденія чрезъ воспоминаніе, о которыхъ я говорилъ выше. Самонаблюденіе въ моментъ психическихъ процессовъ дѣйствуетъ гораздо разрушительнѣе на то, что я назвалъ субъективными элементами душевной жизни, неожели на объективные ея элементы. Между тѣмъ субъективнымъ элементамъ внутренняго опыта принадлежить господствующая роль въ выясненіи связи между психическими состояніями. Положимъ, мы сосредоточенно наблюдаемъ какое-нибудь зрительное воспріятіе: отъ этого оно только усилится, выдѣлится изъ среды остальныхъ, пропечетъ медленнѣе и въ то же время свободнѣе. Напротивъ, попробуемъ уловить во всѣхъ деталяхъ какъ въ насъ слагается какое-нибудь рѣшеніе воли. Своимъ наблюдательнымъ и созерцательнымъ настроениемъ мы прежде всего свою волю затормозимъ. Выйдетъ то же, что я указывалъ относительно воздействиія самонаблюденія на наши душевые движения, страсти, поступки, умственную работу. Весь внутренній процессъ приобрѣтетъ искаженный обликъ. Рѣшеніе воли или совсѣмъ не получится или получится да не то, какое состоялось бы при нормальныхъ условіяхъ. Между тѣмъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы имѣли именно *субъективные* моменты внутренняго опыта.

VI.

Въ связи съ разсмотрѣнными до сихъ поръ недостатками самонаблюденія, намъ будетъ болѣе понятна та важная особенность внутренняго опыта, которая въ то же время есть самый коренной недостатокъ самонаблюденія вообще, какъ метода при изученіи психическихъ явлений. Далеко не всѣ психические факты обладаютъ опредѣленностью и устойчивостью своего содержанія, — тѣмъ, что можно называть его *наилядностью и удобообразимостью*. Существуютъ цѣлые ряды фактовъ, притомъ обладающихъ весьма серьезнымъ значеніемъ для психического бытія въ его цѣломъ, которые неопределены по существу, которые съ

трудомъ воспроизводятся въ воспоминаніи, которыхъ нельзя вмѣстить ни въ какомъ представлениі съ сколько-нибудь нагляднымъ содержаніемъ, которые неуловимы въ своемъ развитіи и ускользаютъ отъ сосредоточенного контроля наблюдающей мысли. И все же это суть факты, которые протекаютъ въ насъ каждое мгновеніе и безъ которыхъ нашъ душевный міръ не могъ бы обойтись ни одной секунды. Отсюда вытекаетъ странное положеніе психолога среди другихъ научныхъ изслѣдователей. Въ другихъ наукахъ мы всегда легко различаемъ между безспорными фактическими данными и тѣми предположеніями, выводами и объясненіями, которые на нихъ строятся. Въ психологіи самые факты не представляютъ *безспорныхъ* данныхъ: напротивъ, о нихъ спорятъ больше, нежели о чемъ-нибудь другомъ. И спорятъ не только о ихъ качествахъ, законахъ, толкованіи,—спорятъ о самой ихъ *наличности*,—притомъ наиболѣе основныхъ. Несомнѣнно данное для однихъ психологовъ, оказывается несомнѣнно неданнымъ для другихъ. Какъ понять это удивительное свойство психической сферы? Для него едва ли можно указать другое объясненіе, кромѣ неопределенности, неуловимости, отсутствія наглядности въ очень существенныхъ элементахъ жизни нашего духа.

Нашъ умъ стремится къ *наилядному*. До нѣкоторой степени вѣрно сравненіе нашего ума съ нашимъ глазомъ,—нашъ глазъ хорошо видѣть то, что передъ нимъ,—внѣшнее ему,—но онъ очень дурно воспринимаетъ то, что съ нимъ непосредственно соприкасается, а тѣмъ болѣе, что происходит внутри его. Конечно, сравненіе не есть еще объясненіе; но все же духъ нашъ подобенъ глазу въ томъ отношеніи, что онъ лучше воспринимаетъ данное ему,—объектъ, нежели свои внутреннія движения. Настоящею *наилядностью* (обозримостью, определенностью) обладаетъ въ насъ только то, что относится къ воздействиимъ внѣшняго міра и къ воспроизведеніямъ этихъ воздействиій. Себя самихъ мы чувствуемъ и сознаемъ постоянно, въ каждомъ своемъ дѣйствіи, въ каждомъ удовольствіи и страданіи, въ каждой

мысли, въ каждомъ желаніи,—и все же мы не имѣемъ о себѣ внутреннемъ я такого яснаго, опредѣленнаго образа, какой имѣемъ, напр., о стоящемъ передъ нами материальномъ предметѣ. Предположимъ наблюдателя, умъ котораго весь охваченъ стремлениемъ къ наглядности во всемъ, что онъ мыслитъ, у котораго и все міросозерцаніе выработалось соотвѣтственно этой основной тенденціи его ума (такіе люди обыкновенно бываютъ склонны къ материализму)—какъ это должно отразиться на его психологическихъ обобщеніяхъ? Въ душевной жизни онъ выдвинетъ на первый планъ ощущенія (въ виду ихъ сравнительной наглядности и въ виду ихъ ясно наблюдаемой связи съ физіологическими процессами) и воспроизведеніе ощущеній (также наиболѣе наглядный, внутренній фактъ). Все остальное содержаніе психической жизни онъ постарается вывести изъ этихъ фактовъ, игнорируя, а то и прямо отрицая то, чего изъ нихъ нельзя построить. Получится законченная психологическая система, но съ очень одностороннимъ содержаниемъ. Типическимъ представителемъ такой манеры объяснять душевную жизнь былъ самый знаменитый представитель французской психологіи XVIII столѣтія Кондильякъ. Аналогичный случай поисковъ за простыми, наглядными, легко измѣримыми элементами душевной жизни, какъ ея единственными слагаемыми, представляетъ психологія Гербарта съ ея ученіемъ о представленияхъ, ихъ связяхъ и столкновеніяхъ, какъ единственномъ содержаніи психического процесса.

Но и въ наши дни стремленіе найти въ наглядныхъ элементахъ психической жизни ключъ ко всему, что творится въ душѣ, пользуется неменьшимъ распространеніемъ среди психологовъ и очень отражается на содержаніи отдельныхъ психологическихъ объясненій и описаній. Какъ на рѣзкій примѣръ такого стремленія при объясненіи отдельныхъ областей душевной жизни, можно указать на теорію чувства у В. Джемса. По этой теоріи каждое чувство цѣликомъ сводится къ сопровождающимъ его орга-

ническимъ ощущеніямъ и тѣмъ представлениямъ, которыя изображаютъ для насъ причину нашего чувства. Такъ, обращаясь къ прежнему примѣру, чувство гнѣва, съ этой точки зрења, сводится къ ощущеніямъ прилива или отлива крови въ лицѣ, биенія сердца, отрывистаго дыханья, сжатія кулаковъ, дрожанія мускуловъ и т. д. плюсъ представлениe объ извѣстномъ лицѣ, насъ чѣмъ-нибудь разсердившемъ. Въ чувствѣ гнѣва кромѣ этихъ чисто физическихъ ощущеній и кромѣ этого представления *ничею больше нѣтъ*. Другіе психологи протестуютъ противъ такого слишкомъ простого объясненія: они выдвигаютъ то, что я назвалъ бы волевымъ моментомъ въ чувствѣ. Вѣдь если бы данное лицо не вызвало въ насъ неудержимаго стремленія сопротивляться ему, разрушить или по крайней мѣрѣ остановить его нежелательныя для насъ дѣйствія, отчего бы идея о немъ такъ всецѣло овладѣла нами и отчего могли бы возникнуть вызванные ею физическіе эффекты? Мы не будемъ теперь рѣшать вопроса о томъ, какая изъ спорящихъ сторонъ права въ этомъ дѣлѣ,—намъ тутъ интересно другое. Разные чувства,—гнѣва, страха, жалости, любви, ненависти, стыда, нѣжности, любопытства, удивленія,—мы переживаемъ постоянно: и вотъ можно спорить и болѣе или менѣе безнадежно спорить о томъ, въ чёмъ же собственно эти чувства состоять и что мы въ нихъ воспринимаемъ? Нужно ли лучшее доказательство той печальной для психолога истины, что въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, хотя онъ всецѣло открытъ нашему самосознанію, далеко не все ясно для насъ самихъ и далеко не все вмѣщаются въ отчетливыя и опредѣленныя формулы.

Возьмемъ другой примѣръ. Каждый ежеминутно испытываетъ на себѣ ту огромную роль, которая принадлежитъ во всѣхъ психическихъ процессахъ дѣятельности нашего вниманія. Какъ разнообразно и тонко проявляется въ насъ его сила, какъ свободно передвигаетъ она всѣ элементы сознанія, какъ рѣшительно повышаетъ одни психическіе процессы и понижаетъ другіе, какъ загадочно умѣетъ она

сосредоточиваться не только на отдельныхъ частяхъ нашихъ представлений, но и на чисто идеальныхъ сторонахъ ихъ и отношенияхъ. И вѣдь она не приходитъ къ намъ откуда-нибудь извнѣ: мы *сами* ее составляемъ, мы ее внутренно переживаемъ и чувствуемъ, какъ рядъ собственныхъ усилий, во всѣхъ видахъ ея проявленія. Она болѣе, чѣмъ что-нибудь другое составляетъ принадлежность нашего собственного существа. Казалось бы, относительно свойствъ, а тѣмъ болѣе относительно существованія этой силы въ насъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній и никакихъ споровъ. А между тѣмъ существуютъ психологи, и очень почтенные, которые отнимаютъ у вниманія всѣ тѣ внутреннія качества, о которыхъ я говорилъ сейчасъ и совсѣмъ отвергаютъ его какъ, дѣйствительную активность нашего субъекта. Для Рибо, напримѣръ, акты вниманія состоять изъ чисто физическихъ ощущеній мускульного порядка—наморщиванія лба, бровей, стискиванія рта и т. д. Кроме этого въ нихъ ничего нѣтъ—всѣ внутренніе процессы въ насъ протекаютъ сами собой. Какъ могъ возникнуть такой взглядъ? Конечно, онъ продиктованъ предвзятымъ воззрѣніемъ на общую природу душевныхъ явлений. Но если бы акты вниманія воспринимались нами вполнѣ ясно и отчетливо, какъ, положимъ, мы воспринимаемъ красный или желтый цветъ,—могло ли было бы въ описаніи ихъ такъ отважно идти противъ очевидности?

Въ совершенно подобномъ положеніи находится въ современной психологіи и вопросъ о волѣ вообще, по отношенію къ которой вниманіе есть только одна изъ формъ проявленія,—быть можетъ самая основная въ психическомъ процессѣ. Отрицаніе воли, какъ особаго факта душевной жизни, несводимаго на другое ея факты, является однимъ изъ очень распространенныхъ психологическихъ предположеній въ наши дни. Иногда это отрицаніе получаетъ очень рѣшительный видъ. Такъ, напримѣръ, по Мюнстербергу, въ волевомъ актѣ всегда присутствуютъ только два феномена сознанія: I) представленіе о будущемъ эффектѣ или дви-

жениі и 2) воспріятіе достигнутой цѣли или выполненнаго движенія. Между этимъ представлениемъ и этимъ воспріятіемъ не посредствуетъ ничего психического; переходъ отъ одного къ другому совершается механически въ нѣдрахъ нашего мозга, но въ сознаніи онъ не отражается никакъ. Эти основные моменты воли могутъ въ нашемъ сознаніи осложняться ощущеніемъ и представлениемъ сопровождающихъ ихъ движеній, логическими процессами выбора мотивовъ и т. д., но не въ нихъ суть воли. Подобнымъ же образомъ учитъ Цигенъ.

Сопоставимъ эту теорію съ ученіемъ Джемса о чувствѣ и постараемся объединить ихъ. Что тогда выйдетъ? Въ чувствахъ ничего нѣтъ, кроме физическихъ ощущеній и представлений о вызвавшихъ ихъ предметахъ; въ волѣ ничего нѣтъ, кроме ощущеній движения и представлений о движении. Въ окончательномъ результатаѣ: въ насъ ничего нѣтъ, кроме физическихъ ощущеній и ихъ воспроизведеній въ формѣ представленія. При этомъ ни эти ощущенія, ни эти представлія никакого вліянія на наши реальные дѣйствія не имѣютъ. Мюнстербергъ настойчиво утверждаетъ, что причинность нашихъ психическихъ состояній и нашихъ поступковъ всецѣло лежитъ въ автоматическихъ отправленіяхъ мозга: всѣ наши дѣйствія совершались бы совсѣмъ такъ же, какъ и теперь, если бъ и не было никакихъ ощущеній и представлений въ нашемъ сознаніи. Съ другой стороны, Джемсъ выставляетъ свой знаменитый парадоксъ: мы опечалены, потому что плачемъ, приведены въ ярость, потому что кого-нибудь бьемъ, боимся, потому что дрожимъ, а никакъ не наоборотъ; всякое чувство есть только сопровождающее обстоятельство, ничего отъ себя не прибавляющее добавленіе къ физіологическому процессу.

Въ этомъ убѣжденіи,—что въ насъ ничего нѣтъ, кроме ощущеній и представлений о нихъ,—несомнѣнно есть своя законченность и простота. Но возникаетъ невольное и неразрѣшимое недоумѣніе: отчего тогда наши ощущенія имѣютъ то, что въ психологіи называется тономъ? Отчего эти со-

всѣмъ пассивныя отраженія слѣпыхъ и равнодушныхъ физическихъ процессовъ пріятны намъ или непріятны, окрашены удовольствиемъ или страданіемъ? Откуда берется и зачѣмъ? По основному закону эволюціи, въ живыхъ существахъ развиваются только такія свойства, которыя имъ полезны. Но какая намъ польза отъ нашихъ страданій, болей, мучительныхъ размышеній, усилий борющейся воли, угрызеній совѣсти,—если они ничего не могутъ измѣнить въ нашихъ поступкахъ, всегда совершаемыхъ съ абсолютнымъ автоматизмомъ? Можно, пожалуй, спросить и общѣ: зачѣмъ вся психика въ насъ, если ей нигдѣ и ни въ чемъ не принадлежитъ никакой реальной роли? Помимо всего другого, уже одни эти простыя соображенія лишаютъ рассматриваемый взглядъ всякаго правдоподобія.

VII.

Дальнѣйшій примѣръ я возьму изъ области того великаго спора, начало которому было положено еще въ средніе вѣка: я разумѣю споръ между *номиналистами* и *концептуалистами* или *универсалістами*. Универсалісты учатъ, что въ нашемъ умѣ кромѣ представлений о вещахъ существуютъ понятія о нихъ, какъ нѣкоторыя совсѣмъ особыя психическія образованія съ универсальнымъ содержаніемъ, помощью которыхъ мы и мыслимъ всѣ общія положенія и истины. Напр., мы не только имѣемъ представленіе объ отдельныхъ людяхъ, но и понятіе о человѣкѣ вообще, у насъ не только есть представленіе о томъ или другомъ треугольнике, но и понятіе о всякомъ треугольнике вообще и т. д. Не будь этихъ универсальныхъ концепцій въ нашемъ разумѣ, наша обобщающая мысль была бы невозможна.

Номиналисты отвѣчаютъ на это, что мы можемъ вообразить и представлять только отдельные предметы, только частное содержаніе со всѣми его индивидуальными особенностями въ данный моментъ. Мы никогда не мыслимъ человѣка вообще, а всегда представляемъ какого-нибудь определенного человѣка или определенныхъ людей съ извѣст-

ными особенностями лица, фигуры, цвета волосъ и т. д. Мы никогда не мыслимъ треугольника вообще, который не былъ бы ни великъ, ни малъ, ни прямоуголенъ, ни остроуголенъ, ни тупоуголенъ; представить что-нибудь подобное совсѣмъ невозможно. Мы всегда имѣемъ въ головѣ какіе-нибудь опредѣленные треугольники съ определенными свойствами. Общность нашей мысли заключается не въ ея собственномъ содержаніи, а въ одинаковости употребляемыхъ нами названій и словъ. Словомъ *человѣкъ* мы обозначаемъ всякаго человѣка. Поэтому, говоря что-нибудь о людяхъ, мы предполагаемъ, что и думаемъ о чёмъ-то обнимающемъ все человѣчество. На самомъ дѣлѣ этого вовсе нѣтъ,—въ нашемъ умѣ всегда бываютъ даны только образы отдельныхъ людей, и наша мысль всегда обращается съ ними. То же самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ другихъ общихъ сужденіяхъ. Когда мы ихъ произносимъ, въ нашемъ умѣ капризно мелькаютъ отдельные образы, факты, ощущенія и ничего больше. Къnimъ сводится все содержаніе нашей мысли.

Номиналистическую теорію я считаю особенно поучительнымъ и въ то же время весьма живучимъ примѣромъ тѣхъ очевидныхъ крайностей, къ которымъ приводитъ стремленіе признавать только наглядные элементы въ душевной жизни. Развитая до конца, номиналистическая теорія послѣдовательно должна привести къ совершенному отрицанію самой наличности у насъ разума. Она ничего не можетъ подѣлать съ слѣдующимъ несомнѣннымъ психологическимъ и логическимъ фактамъ: ни одно понятіе (и можно прибавить,—ни одно умственное дѣйствіе вообще) не исчерпывается сполна по своему содержанію какимъ-нибудь частнымъ представлениемъ или ассоціаціей такихъ представлений; и, наоборотъ, существуетъ великое множество понятій и умственныхъ дѣйствій, для которыхъ не существуетъ совсѣмъ даже приблизительно отвѣчающаго ихъ смыслу наглядного образа.

Пояснимъ оба положенія нѣсколькими примѣрами. Предположимъ, что мы думаемъ о какой-нибудь самой простой

геометрической истинѣ о треугольникахъ, которая относится ко всѣмъ треугольникамъ вообще. Что при этомъ происходитъ въ нашей головѣ? Всего скорѣе въ нашемъ воображеніи всплываетъ въ этомъ случаѣ представление о какомъ-нибудь отдельномъ треугольнике, опредѣленной величины, съ опредѣленнымъ отношеніемъ сторонъ и угловъ, опредѣленной окраски (положимъ, нарисованномъ черными линіями) на опредѣленномъ фонѣ (положимъ, бѣломъ, по воспоминаніямъ о рисункахъ въ учебникахъ геометріи). Можетъ быть, въ теченіе нашихъ размышеній мы представимъ два треугольника или нѣсколько (во всякомъ случаѣ едва ли очень много): сила нашего воображенія вообще ограничена,—и чѣмъ больше мы ихъ представимъ за разъ, тѣмъ меньшею отчетливостью будетъ обладать каждый отдельный образъ). Участіе воображенія въ нашихъ размышеніяхъ этимъ и ограничится. А между тѣмъ думать мы будемъ *о всякихъ* треугольникахъ вообще, *о всѣхъ* треугольникахъ. Данный, наглядно воображаемый треугольникъ будетъ для настъ только примѣромъ или иллюстраціей того, на чёмъ сосредоточилась наша мысль. И мы будемъ думать въ этомъ отдельномъ воображаемомъ треугольнике не объ его цвѣтѣ и не объ его формѣ, не о величинѣ его сторонъ или угловъ, а только о томъ, что есть и въ каждомъ другомъ треугольнике, какого бы цвѣта онъ ни былъ и какой бы величиной ни обладалъ, и мы допустимъ въ свое разсужденіе только такие выводы, которые относятся къ общей природѣ всѣхъ треугольниковъ. Я спрошу: какъ это возможно? Не нужно ли для этого, чтобы въ нашей мысли состоялось *решеніе* обратить вниманіе въ данномъ примѣрѣ только на то, что относится ко всѣмъ треугольникамъ вообще, а для этого не необходимо ли, чтобы въ нашемъ умѣ такъ или иначе присутствовала идея о всякихъ возможныхъ треугольникахъ? А вѣдь это-то и отрицаетъ номиналистическая теорія. Между тѣмъ не ясно ли, что если бы въ нашемъ умѣ былъ только образъ отдельного треугольника со всѣми его конкретными признаками, но

не было бы въ насъ рѣшенія остановиться въ немъ только на томъ, что обще всѣмъ треугольникамъ, или не было бы способности исполнить это рѣшеніе, то не возникло бы въ насъ и никакого геометрическаго размышленія. Наше сознаніе было бы бездумно привязано къ этому отдельному представлению до тѣхъ поръ, пока по случайной игрѣ ассоціацій на мѣсто треугольника не стала бы кругъ или квадратъ, а то и такое представлениe, которое не имѣть ничего общаго съ геометрическими фигурами. Итакъ, для того, чтобы состоялось размышленіе о геометрической истинѣ, кроме участія нашей представляющей способности, нуженъ какой-то дополнительный процессъ, весьма отличный отъ воображенія; и онъ несомнѣнно въ насъ совершается, но о немъ номиналистическая теорія не даетъ никакого яснаго отчета.

Но здѣсь по крайней мѣрѣ мы имѣемъ такой случай умственного дѣйствія, въ которомъ представлениe по своему содержанію вполнѣ отвѣчаетъ тому понятію, которое мыслится его помощью. Данный треугольникъ дѣйствительно имѣть всѣ свойства треугольника вообще, у него только есть много и своихъ частныхъ свойствъ, которыми другие треугольники не обладаютъ. Однако такое соотвѣтствіе въ содержаніи частныхъ представлений и общихъ мыслей дано нашему уму далеко не всегда.

Возьмемъ другой примѣръ: положимъ, насъ очень заинтересовалъ вопросъ обѣ экономическомъ, политическомъ и культурномъ значеніи Москвы, и мы его всесторонне обсуждаемъ. Мы можемъ высказывать по этому поводу самыя разнообразныя мнѣнія и горячо на нихъ настаивать. Но зададимъ себѣ другой вопросъ: что представляется и воображается намъ, когда мы говоримъ—Москва? Какія представленія, воспоминанія, образы проходятъ въ нашей головѣ по ассоціаціи съ этимъ словомъ? И существуетъ ли какая-нибудь связь, и какая именно, между нашими теоретическими выводами о Москвѣ и тѣми вереницами образовъ и представлений, которые проносятся въ нашемъ умѣ всякий разъ, когда

мы мысленно къ ней обратимся? Съ первого взгляда ясно, что отвѣтить на этотъ вопросъ нелегко. Разобраться во всѣхъ представленияхъ и картинахъ, которыя промелькнутъ въ нашей головѣ по этому случаю, едва ли даже выполнимая задача. Но вотъ что несомнѣнно: если мы станемъ передавать другъ другу о томъ, что вообразилось намъ при словѣ „Москва“, то не только окажется, что у каждого изъ насъ про текли въ умѣ свои особые ряды воспоминаній и представлений, но что эти представлениа будутъ постоянно мѣняться и у каждого лица въ отдѣльности при новыхъ повтореніяхъ слова. Кто недавно прїехалъ въ Москву, тому всего скорѣе вспомнятся первыя впечатлѣнія отъ нея: видъ издали, вокзалъ, ближайшія къ нему улицы, домъ, въ которомъ онъ остановился и т. д. Многимъ вмѣсто всякихъ картинъ просто представится слово „Москва“, изображенное печатными или писанными буквами. Въ связи съ обсуждаемыми вопросами можетъ быть промелькнетъ въ умѣ неоднократно географическая карта Россіи. У живущихъ въ Москвѣ уже давно особенно трудно предугадать теченіе ассоціацій: тутъ все зависитъ отъ впечатлѣній, настроеній, случайныхъ воспоминаній. Въ общемъ едва ли можно ждать отчетливыхъ и раздѣльныхъ картинъ при опытахъ подобного рода: наша фантазія заразъ вмѣщаетъ лишь небольшое количество раздѣльныхъ представлений. А между тѣмъ слово „Москва“ само по себѣ не будетъ вызывать никакихъ отдѣльныхъ представлений въ особенности. Поэтому въ отвѣтъ на такое слово въ насъ всего скорѣе долженъ получиться пестрый и въ то же время неразличимо тусклый хаосъ мелькающихъ образовъ, обрывковъ воспоминаній, неясныхъ впечатлѣній. Одно будетъ для насъ ясно, если мы хорошенъко подумаемъ, что между этимъ смутнымъ и чисто субъективнымъ хаосомъ въ нашемъ воображеніи и тѣми и для насъ и для другихъ вполнѣ понятными сужденіями о значеніи Москвы въ современной Россіи, которыя мы будемъ высказывать въ нашей бесѣдѣ, лежитъ цѣлая бездна, черезъ которую едва ли можно перекинуть какую-нибудь связующую нить.

Въ примѣръ съ треугольникомъ, хотя наша мысль и отличалась отъ представлениія, но все же она отправлялась отъ него: представлениe давало наглядный образецъ, какъ предметъ для прямого анализа мысли. Здѣсь уже нѣть такого отношенія. Мысль о большомъ городѣ, рассматриваемомъ при этомъ въ виду его очень отвлеченныхъ отношеній къ тому цѣлому, которому онъ принадлежитъ, слишкомъ обща и сложна, чтобы она могла воплотиться въ какомъ-нибудь наглядномъ образѣ. Протекающія въ нась наглядныя представления при процессахъ размышленія этого рода не являются уже органическими звеньями этихъ процессовъ, а оказываются въ отношеніи къ нимъ лишь внѣшнимъ сопровождающимъ обстоятельствомъ.

Возьмемъ еще примѣръ: положимъ, мы хотимъ дать определеніе такимъ понятіямъ, какъ право, законъ, государство, нравственность, и съ этою цѣлью размышляемъ надъ ними. Нѣть никакого сомнѣнія, при обсужденіи каждого изъ этихъ понятій въ нашемъ умѣ будутъ протекать разнообразныя ассоціаціи совершенно конкретныхъ представлений, воспоминаній, картинъ и т. д. Но возможно ли вообразить себѣ представления, которые находились бы къ этимъ понятіямъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ отдельный воображаемый треугольникъ относится къ треугольнику вообще? Положимъ, размышляя о правѣ, я вспоминаю вора, которого на моихъ глазахъ городовой вель въ участокъ. Но развѣ право и городовой, ведущій въ участокъ—одно и то же? Размышляя о законѣ, я могу вспомнить книжную полку, уставленную томами свода законовъ. Но если я буду имѣть въ головѣ только эту полку, развѣ это мнѣ что-нибудь уяснить въ понятіи о законѣ вообще? Чтобы это воспоминаніе могло мнѣ въ чёмъ-нибудь помочь, мнѣ нужно имѣть понятіе о содержаніи этихъ книгъ, о тѣхъ весьма общихъ правилахъ и предписаніяхъ, которые въ нихъ содержатся, т.-е. я долженъ уже имѣть какую-нибудь идею о законѣ. Слишкомъ ясно, что въ этихъ случаяхъ конкретное представлениe и понятіе отстоятъ еще дальше другъ

отъ друга, чѣмъ въ предыдущемъ примѣрѣ. Москву мы все-таки можемъ вообразить въ ея отдѣльныхъ частяхъ, но ни полка книгъ, ни городовой съ воромъ не составляютъ *матеріальныхъ частей* права или закона, ибо и то и другое суть вещи отвлеченные.

Фактъ очевидной несоизмѣримости между нашей представляющей и нашей мыслящей способностью заставляетъ сторонниковъ номинализма прибѣгать къ *теоріи символизма* въ мышлениі. Смысьлъ этой теоріи таковъ: мы никогда не мыслимъ нашихъ понятій прямо, а всегда помошью чувственныхъ символовъ, которые сами собою слагаются въ нашемъ умѣ для каждого понятія. Мы не можемъ представить себѣ безконечной вселенной, и вотъ, чтобы мыслить ея миниатюрное и символическое подобіе, мы воображаемъ кругъ или шаръ, въ которомъ заключены другие шары или круги, и этотъ кругъ или шаръ замѣняетъ для нашего ума вселенную. Мы не можемъ представить солнечной системы въ ея дѣйствительныхъ размѣрахъ—и вотъ мы воображаемъ себѣ въ маломъ размѣрѣ геометрическія кривыя, по которымъ движутся планеты вокругъ солнца, и маленькие шарики, изображающіе для насъ солнце, планеты и землю. Мы не можемъ представить *дерева вообще*, но сопоставляя различные породы деревьевъ и отbrasывая ихъ отличительные признаки, мы наконецъ приходимъ къ тусклому символическому образу, который состоитъ изъ палочки изображающей для насъ стволъ, и идущихъ отъ нея въ разныя стороны маленькихъ палочекъ,—эта вѣтвистая палочка и замѣняетъ для нашего ума идею *дерева вообще* и т. д.

Не нужно большихъ усилий критического анализа, чтобы замѣтить крайнюю несостоятельность такой теоріи. Прежде всего очень трудно оправдать изъ самонаблюденія, чтобы каждое понятіе нашего ума дѣйствительно имѣло въ нашемъ представлениі свой особый сколько-нибудь постоянный символъ. Если такие постоянно сопровождающіе наши отвлеченные понятія образы и существуютъ иногда, они обыкновенно менѣе всего символизируютъ содержаніе нашей мысли.

Всего чаще такимъ постоянно сопровождающимъ образомъ является представлениe о написанномъ или напечатанномъ словѣ, обозначающемъ данное понятіе. У людей, обладающихъ такъ называемымъ *цвѣтнымъ служомъ*, такимъ неизмѣнно сопровождающимъ обстоятельствомъ ихъ отвлеченныхъ понятій будетъ та или другая окраска звукового состава употребляемыхъ ими словъ и т. д. Но даже отдаленное логическое соотвѣтствіе между содержаніемъ чувственного символа и отвѣчающимъ ему абстрактнымъ понятіемъ явится скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ.

Однако главное возраженіе противъ символической теоріи заключается, конечно, не въ этомъ: оно состоитъ въ томъ простомъ и ясномъ соображеніи, что символъ до тѣхъ только поръ символъ, пока мы понимаемъ его смыслъ. А если значеніе его для насъ затеряно, то онъ уже не символъ, и мы начинаемъ относиться къ нему по его непосредственному, буквальному содержанію. Слово есть символъ выражаемой имъ идеи; но если мы забыли, что оно значитъ, для насъ останется только его звуковой составъ. Мы можемъ слушать самыя мудрыя рѣчи на непонятномъ для насъ языкѣ, но все же ничего не услышимъ, кроме безмыслия ряда звуковъ. Все это истины очень простыя. А между тѣмъ изъ нихъ вытекаетъ очень важное заключеніе: чтобы мыслить символами, надо понимать эти символы, т.-е. кроме символовъ, надо имѣть въ головѣ тѣ понятія, которыя ими обозначаются,—безъ этого у насъ не будетъ никакой мысли—ни символической, ни несимволической. Другими словами, чтобы мыслить о чёмъ-нибудь символически, надо о томъ же самомъ при этомъ думать прямо и по его настоящему смыслу. Какъ въ примѣрѣ треугольника, чтобы мыслить геометрическую истину, нужно было, чтобы кроме представленія объ отдельномъ конкретномъ треугольнике въ нашемъ умѣ былъ данъ нѣкоторый дополнительный процессъ, такъ тѣмъ болѣе при символахъ искусственныхъ и по содержанию далекихъ отъ обозначаемыхъ ими весьма абстрактныхъ понятій (какъ напримѣръ, когда мы воображаемъ

маленький кругъ въ качествѣ символа безконечнаго міра въ его цѣломъ) нуженъ аналогической дополнительный процессъ сопоставленія символа съ тѣмъ, что въ немъ символизируется. Кроме чувственныхъ образовъ, въ нашемъ умѣ должно какъ - нибудь присутствовать нечувственное содержаніе идей,—безъ этого никакой символизмъ невозможенъ.

Но такой выводъ обозначалъ бы полный крахъ номиналистической доктрины: согласившись съ нимъ, она признала бы то, въ отрицаніи чего заключается весь ея смыслъ. Однако какой же другой выходъ указать изъ этихъ затрудненій? Скажемъ ли мы, что мы просто *не понимаемъ* никакихъ общихъ сужденій и никакихъ отвлеченныхъ идей? Будемъ ли доказывать, что въ нашемъ умѣ въ соотвѣтствие съ отвлеченными терминами проносится хаосъ совершенно безсмысленныхъ ассоціацій, которая однакоже въ послѣднемъ результата приводятъ по неизвѣстнымъ причинамъ къ употребленію логически цѣлесообразныхъ новыхъ терминовъ, хотя и они въ нашей головѣ вызовутъ опять только тусклый хаосъ случайныхъ представлений; такъ что осмыслинность нашихъ общихъ разсужденій есть только иллюзія, зависящая отъ осмыслиннаго сочетанія словесныхъ знаковъ? Конечно, можно договориться и до этого. Но является неумолимый вопросъ: какъ можетъ въ насъ возникнуть такая иллюзія? Пускай сочетанія словесныхъ знаковъ по отношенію къ обозначаемому ими содержанію въ высшей степени цѣлесообразны, — какъ могли бы мы это замѣтить, если бъ въ нашей головѣ ничего не было, кроме тусклаго хаоса?

Итакъ, въ разсматриваемомъ спорѣ универсалисты оказываются правыми. Въ нашемъ мышленіи дѣйствительно присутствуютъ даныя сверхчувственного характера, не обладающія никакою наглядностью. И всѣ умственныя операций имѣютъ дѣло съ ними: вѣдь въ каждомъ суждении, если не подлежащее, то по крайней мѣрѣ сказанное имѣть непремѣнно общее содержаніе. Но, какъ ни странно это, эти даныя настолько неуловимы въ своихъ психологическихъ

качествахъ, они такъ легко ускользають отъ самонаблюдения въ своей особой природѣ, что существуютъ до сихъ поръ очень серьезные изслѣдователи, которые совсѣмъ отрицаютъ самое ихъ существованіе. Въ этомъ долженъ заключаться величайшій урокъ для психолога въ смыслѣ осторожности идержанія отъ поспѣшныхъ обобщеній.

VIII.

Теперь мы ознакомились съ важнѣйшими достоинствами и недостатками самонаблюденія или интроспективнаго метода въ психологіи. Его основное достоинство въ томъ, что для него душевные факты являются въ своей настоящей реальности и что внутренняя связь между ними въ очень многихъ случаяхъ непосредственно открыта для нашего прямого усмотрѣнія. Его недостатки коренятся въ томъ, что психическія явленія очень неустойчивы и непрерывно протекаютъ во времени, что ихъ нельзя измѣрить, что они далеко не сполна воспроизводятся въ нашемъ воспоминаніи, что ихъ нельзя наблюдать въ моментъ ихъ совершенія, не измѣня ихъ хода, наконецъ, что многіе изъ нихъ, и даже особенно важные по своей роли въ общемъ обиходѣ психической жизни, оказываются по своему внутреннему существу неопределѣленными, лишенными чувственаго облика, не имѣющими отчетливой наглядности для нашего внутренняго воспріятія. Изъ этихъ свойствъ нашего самосознанія можно вывести нѣкоторыя руководящія и предостерегающія правила психологическаго изслѣдованія, поскольку они ведутся интроспективнымъ методомъ. Я укажу важнѣйшія между ними.

1) Къ нашему самонаблюденію невозможно примѣненіе строгой научной индукціи съ экспериментальными методами, при установлениі связей и послѣдовательностей между явленіями. Строгій экспериментъ вообще для самонаблюденія недоступенъ. Въ нашемъ душевномъ мірѣ нельзя вызывать явленій по произволу или даже если мы этого въ отдѣльныхъ случаяхъ достигаемъ, никогда нельзя быть увѣреннымъ

въ томъ, что всѣ обстоятельства опыта намъ извѣстны. Для самонаблюденія оказывается примѣнимо только простая, популярная индукція, но и по отношенію къ ней мы не можемъ быть убѣждены (въ виду плохой воспроизводимости и неуловимости отдѣльныхъ психическихъ фактовъ), что всѣ данные приняты нами во вниманіе.

2) Для самонаблюденія является широко открытымъ методъ мысленною анализа, въ значительной степени восполняющаго и дополняющаго индукцію въ ея обычномъ смыслѣ. Факты душевной жизни между всѣми явленіями дѣйствительности отличаются тѣмъ, что въ нихъ намъ нерѣдко бываетъ открыта ихъ внутренняя связь. Черезъ это въ ней отдѣльные наблюденія даютъ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ знанія. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такой непосредственно ясной связи мы можемъ услѣдить, что въ немъ первоначально и что производно, что причина и что слѣдствіе, въ чёмъ условие и что дано, какъ обусловленное, въ чёмъ выражается активность духа и въ чёмъ, на противъ, оказывается его пассивность. Всего этого мы достигаемъ черезъ простое различеніе отдѣльныхъ данныхъ, присматриваясь къ тому, что совершается въ насъ. Это значитъ, что простое самонаблюденіе даетъ намъ во многихъ случаяхъ прямо то, что въ наукахъ о внѣшней природѣ достигается лишь строгимъ и детальнымъ примѣнениемъ методовъ экспериментального изслѣдованія: въ самомъ дѣлѣ вѣдь вся задача экспериментальныхъ методовъ заключается въ установлении причинной связи явленій.

3) Детальное усвоеніе всѣхъ малѣйшихъ перипетій психического процесса для самонаблюденія (въ виду неполноты воспроизведенія прошлыхъ явленій) вообще мало доступно. За то, вслѣдствіе сейчасъ указанной возможности мысленного анализа отдѣльныхъ фактовъ по ихъ внутреннему значенію и смыслу, въ сферѣ самонаблюденія мы способны сразу схватывать типическія черты явленій. Оттого психологъ до некоторой степени оказывается въ положеніи геометра: какъ геометръ, всесторонне изслѣдуя отдѣльные примѣры,

приходить къ самымъ общимъ заключеніямъ о линіяхъ, углахъ и фигурахъ, такъ и психологъ, мысленно сосредоточившись на отдельныхъ душевныхъ актахъ, можетъ усматривать и оцѣнивать ихъ *типическихія свойства и отношенія*. Въ самомъ дѣлѣ, при извѣстной долѣ проницательности, человѣкъ, даже и не знающій логики, могъ бы построить ея основные законы и правила, просто вѣдумываясь въ смыслѣ какого-нибудь одного сложнаго разсужденія и мысленно выдѣляя мотивы, движущіе ходомъ заключеній въ немъ; вѣдь и исторически логика возникла изъ анализа отдельныхъ конкретныхъ логическихъ актовъ. Точно также переживъ одинъ какой-нибудь порывъ сильнаго чувства, дотолѣ намъ незнакомаго, мы не только будемъ знать, что оно въ насъ вызвало въ этомъ отдельномъ случаѣ, но будемъ знать и то, чего можно ждать отъ этого чувства въ будущемъ, или отъ другихъ людей, когда оно ими овладѣеть. Кто испыталъ сильную борьбу между голосомъ совѣсти и могущественными побужденіями личнаго интереса и выгоды, тотъ знаетъ, чего эта борьба стоитъ, какой твердой воли требуетъ, и на какие хитрые софизмы пускается нашъ эгоизмъ, чтобы отстоять себя. Другими словами, онъ будетъ имѣть о подобныхъ положеніяхъ *типическое знаніе*. Такимъ образомъ вотъ два мощныя орудія интроспективной психологіи: *прямой мысленный анализъ* и вытекающій изъ него *типической* или *обобщающей* *анализъ*.

Изъ сказаннаго сейчасъ вытекаетъ важный выводъ: не смотря на сравнительную неопредѣленность и неуловимость активныхъ элементовъ нашего сознанія, для интроспективнаго изслѣдованія оказываются наиболѣе доступными проявленія *активности нашего духа*. — Причина тому понятна: лишь въ проявленіяхъ этого рода нашему самонаблюденію и самовоспріятію открыть причинный рядъ переживаемыхъ состояній въ его важнѣйшихъ звеньяхъ и въ его внутреннемъ значеніи; оттого только къ этой категоріи явлений съ полной плодотворностью прилагаются методы *прямого мысленного и типического анализа*. Говоря просто, мы только тѣ

психическія явленія понимаемъ вполнѣ, въ которыхъ выражаются наши дѣйствія—внѣшнія или внутреннія,—наши стремленія и побужденія въ ихъ взаимной зависимости, наши влечения и чувства; мы только то хорошо понимаемъ въ себѣ, что зависитъ отъ нашего собственнаго Я и выражаетъ его субъективныя реакціи на окружающей міръ,—мы видѣли тому многочисленные примѣры. Напротивъ, тѣ психическія состоянія, къ которымъ наше сознаніе относится пассивно, которыхъ ему, такъ сказать, навязываются извнѣ и помимо его, несмотря на ихъ сравнительно большую наглядность, гораздо менѣе открыты интроспективному анализу по отношенію къ ихъ внутреннимъ связямъ, управляющимъ ими законамъ и вызывающимъ ихъ причинамъ. Напримеръ, точно установить физическую природу раздраженій, вызывающихъ тѣ или другія внѣшнія ощущенія, на основаніи одного самонаблюденія, очевиднымъ образомъ невозможно. Что дѣлается въ глазу, когда мы испытываемъ зрительныя ощущенія? Конечно, простое самонаблюденіе при рѣшеніи этого вопроса ни къ чому насъ привести не можетъ, кроме самыхъ общихъ предположеній. Или какъ бы можно было вывести законъ Вебера только на основаніи самонаблюденія? Точно также невозможно путемъ интроспекціи установить причины нашихъ органическихъ ощущеній, возникающихъ изъ процессовъ и измѣненій внутри нашего организма; будь иначе, диагнозъ всякихъ болѣзней былъ бы простъ до чрезвычайности. Обращаясь къ другой области, нельзя лишь на основаніи самонаблюденія съ увѣренностью отвѣтить на вопросъ, какія представленія еще сохраняются въ нашей памяти и какія исчезли изъ нея навсегда. Однаково нельзя самонаблюдениемъ решить, какія причины вызываютъ въ насъ то или другое содержаніе нашихъ сновидѣній, ихъ тусклость или отчетливость, ихъ осмысленность или безсвязность и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ очевиднымъ образомъ самонаблюденіе нуждается въ помощи наблюденія *внѣшняго* и надъ другими людьми, и надъ физическими и физиологическими процессами въ нашемъ организмѣ вообще.

IX.

Теперь, когда намъ извѣстны сильныя и слабыя стороны самонаблюденія, которое все-таки, и это надо очень помнить, остается кореннымъ методомъ при нашемъ знакомствѣ съ своимъ собственнымъ душевнымъ міромъ, мы можемъ остановиться на нѣкоторыхъ *предостерегающихъ* правилахъ, внимательное выполнение которыхъ, быть можетъ, избавило бы психологію отъ той хаотической пестроты противорѣчащихъ другъ другу теорій и гипотезъ, которою она страдала въ теченіе всей своей исторіи.

1) Психологъ долженъ избѣгать исключительного сосредоточенія всѣхъ своихъ изслѣдованій на наглядныхъ и отчетливыхъ фактахъ въ жизни сознанія. Онъ долженъ постоянно имѣть въ виду душевную жизнь въ ея дѣйствительномъ цѣломъ, со всею ея сложностью, подвижностью, нерѣдко — неуловимостью и неопределеннostью. Онъ долженъ помнить, что наглядное, вполнѣ опредѣленное и отчетливое въ ней составляетъ лишь сравнительно небольшую и далеко не самую существенную область среди ея разнообразныхъ внутреннихъ двигателей.

2) Психологъ долженъ съ большою осторожностью относиться ко всяkimъ попыткамъ дать окончательный анализъ психическихъ процессовъ на ихъ простѣйшиe элементы. Стремленіе разложить сполна всякое сложное явленіе на его составные, далѣе неразложимыя части лежитъ въ самомъ существѣ науки и въ наукахъ о мірѣ внѣшнемъ (механикѣ, физикѣ, химії): оно было главнымъ двигателемъ ихъ огромныхъ успѣховъ за послѣднія столѣтія. Но все же надо помнить, что оно плодотворно лишь тогда, когда назрѣла возможность его болѣе или менѣе обстоятельного выполнения. Въ противномъ случаѣ анализъ приведетъ не къ тому, чего отъ него ждутъ, а только къ одностороннему и искаженному изображенію фактовъ. Психологъ обязанъ помнить, какъ безконечно сложны даже по видимости простыя психическія явленія, какъ много въ каждомъ изъ нихъ не-

уловимыхъ, чисто идеальныхъ моментовъ и двигателей, и какое, съ другой стороны, органическое, нерасторжимое, внутреннее единство представляеть душевная жизнь въ ея цѣломъ. Въ самой идеѣ разсматривать душевную жизнь, какъ простую сумму независимыхъ другъ отъ друга слагаемыхъ, заключается важная научная натяжка: въ душевной жизни возможенъ только *относительный*, а никакъ не абсолютный анализъ (какой, напримѣръ, бываетъ въ химії), когда мы просто выдѣляемъ составныя части изъ ихъ даннаго соединенія. Во всякомъ случаѣ вѣрнѣйшее средство не понять психической процессъ, это остановиться въ немъ только на такихъ элементахъ, которые ярко выражены и болѣе другихъ бросаются въ глаза. Противъ увлеченія аналитическими задачами въ психологіи единственное средство должно заключаться въ возможно большей строгости требованій отъ *обратнаю синтеза*. Каждый данный психической процессъ долженъ строиться изъ предположенныхъ его элементовъ во всей конкретной и жизненной полнотѣ, а не только въ какихъ-нибудь своихъ отдѣльныхъ свойствахъ. Въ области подобныхъ изслѣдованій трудно быть достаточно скептикомъ: при чрезвычайной тонкости и сложности изучаемыхъ явлений, малѣйшее сомнѣніе въ возможности дѣйствительного выведенія всей совокупности ихъ признаковъ изъ ихъ предполагаемыхъ факторовъ, должно служить рѣшительнымъ препятствиемъ для признанія анализа законченнымъ. Между тѣмъ въ исторіи психологіи мы замѣчаемъ скорѣе противоположную тенденцію: требованія отъ обратнаго синтеза въ виду трудности задачи обыкновенно бываютъ очень снисходительны и нерѣдко только такою снисходительностью обеспечивается успѣхъ отдѣльныхъ психологическихъ гипотезъ.

3) Психологъ долженъ тщательно оберегаться отъ злоупотребленія *физіологическими схемами*. Тѣсная зависимость психическихъ явлений въ нашемъ духѣ отъ физіологическихъ процессовъ въ нашемъ организмѣ, въ особенности въ нашемъ мозгу и нервной системѣ, есть фактъ несомнѣнnyй,

и указаніе условій такой зависимости представляеть весьма интересную тему научныхъ изысканій. Но все же изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что задача психолога состоить только въ томъ, чтобы для каждого психического факта найти тотъ физико-химическій процессъ въ мозговыхъ клѣткахъ, который его вызываетъ. Такая замѣна психологіи физіологіей недозволительна, во-первыхъ, потому, что какъ бы ни были тѣсно связаны психическая и физическая сферы явленій въ насъ, мы все-таки не имѣемъ права сразу рѣшать, въ чемъ эта связь заключается. Состоитъ ли она въ томъ, что каждому психическому феномену отвѣчаетъ въ нервно-мозговой системѣ вполнѣ эквивалентный ему физіологическій процессъ, порождающій съ физической неизбѣжностью другие процессы, которые въ нашей психикѣ отражаются какъ новыя явленія, вытекающія изъ перваго? Такъ смотрѣть на дѣло очень часто и въ этомъ предположеніи состоить столь популярная теперь *теорія эпифеноменизма въ психології*. Но хотя она и очень популярна, она все же весьма далека отъ того, чтобы быть дѣйствительно доказанной. Напротивъ, какъ я старался показать во многихъ прежнихъ статьяхъ, она вызываетъ противъ себя весьма серьезныя возраженія. А если такъ, то всегда возможно предположить, что отношеніе физического и психического въ насъ не такъ просто и не сводится только къ тому, что звенья психического ряда явленій въ насъ во всѣхъ случаяхъ представляютъ прямую функцію звеньевъ ряда физического, безъ всякаго обратнаго воздействиія душевныхъ актовъ на направлениe физіологическихъ процессовъ. Быть можетъ, физикій и психикій ряды феноменовъ хотя и связаны въ насъ въ томъ смыслѣ, что постоянно оказывають многообразное взаимное вліяніе другъ на друга, но все же развиваются самостоятельно, каждый по своему, и поэтому для отдѣльныхъ звеньевъ процесса душевнаго не всегда можно указать вполнѣ соотвѣтствующій коррелатъ въ звеньяхъ цѣпи физическихъ процессовъ. Во-вторыхъ, при попыткахъ чисто физіологического объясненія

нія душевныхъ фактовъ постоянно приходится имѣть въ виду чрезвычайную скудость нашихъ свѣдѣній о тѣхъ безконечно сложныхъ и тонкихъ процессахъ, которые совершаются въ нашемъ мозгу. Психологу поневолѣ приходится пускаться въ творчество и самому сочинять физіологическія схемы для объясненія всѣхъ операций духа. Это отнимаетъ у изслѣдователей много времени и остроумія, а между тѣмъ результатъ довольно плохо вознаграждаетъ ихъ старанія: психические и физические факты слишкомъ разнородны между собою, и что бы мы ни придумывали для однихъ, это мало поясняетъ внутренній строй другихъ.

Между тѣмъ въ физіологической схематизаціи заключается и прямо опасная сторона для беспристрастного психологического изслѣдованія. Ничто такъ не толкаетъ къ одностороннему и даже прямо превратному освѣщенію душевныхъ фактовъ, какъ заранѣе составленное убѣжденіе въ томъ, что всѣ психическія явленія представляютъ лишь переводъ на языкъ нашего субъективнаго сознанія чисто физическихъ перемѣнъ въ нашей нервной системѣ. Ничто не побуждаетъ такъ могущественно къ совершенію поспѣшныхъ анализовъ и къ пренебреженію тѣми лишенными чувственной наглядности элементами сознанія, о значеніи которыхъ я уже говорилъ такъ много. Вѣдь при послѣдовательномъ проведеніи эпифеноменистического взгляда, мы съ самого начала всякую психическую активность должны признать за простую иллюзію. Мы всѣ явленія сознанія должны будемъ разматривать, какъ чисто пассивныя отраженія въ немъ разныхъ перемѣнъ вѣдь его. При этихъ условіяхъ долженъ непремѣнно возникнуть соблазнъ расстолковать всю душевную жизнь изъ того, что я назвалъ *объективными* или *периферическими* данными сознанія, — т.-е. изъ ощущеній и воспроизводящихъ ихъ представлений, — вѣдь тогда всякое душевное состояніе вообще есть только субъективное ощущеніе различныхъ нервныхъ измѣненій.

Х.

Главная задача психолога должна заключаться въ *безпри-
страстномъ описании* данныхъ душевной жизни. Какъ мы уже
знаемъ, эта задача чрезвычайно трудна въ виду тонкости и
сложности психическихъ фактовъ. Въ этомъ отличие психо-
логіи отъ другихъ наукъ, въ которыхъ описание прямо дан-
наго составляетъ только вводную и несущественную часть.
Но, съ другой стороны, отличие психологіи отъ другихъ на-
укъ заключается и въ томъ, что въ ней всестороннее опи-
саніе можетъ доставить гораздо больше, чѣмъ въ нихъ: оно
раскроетъ внутреннюю причинность феноменовъ, поскольку,
по крайней мѣрѣ, они зависятъ отъ активности нашего я.
Наконецъ, въ виду того, что во внутреннемъ опыте предъ
нами обнаруживается истинная и несомнѣнная дѣйствитель-
ность, такое описание должно открыть очень важныя пер-
спективы для философскихъ выводовъ общаго характера.

Противъ сдѣланныхъ здѣсь выводовъ можно ждать одного
принципіального возраженія. Если психические факты въ
столь значительной и важной долѣ своей оказываются не-
уволимыми и неопределеными, если къ нимъ не примѣнимы
самые обычные приемы наблюденія и опытного изслѣдованія,
если въ области чистаго самонаблюденія ничего нельзя из-
мѣрить и вычислить и, стало быть, она недоступна для ма-
тематическихъ формулъ,—какое же можетъ быть знаніе о
психической жизни? Способна ли вообще психологія быть
наукою? Не осуждена ли она самимъ существомъ своихъ
задачъ на то, чтобы оставаться вѣчнымъ хаосомъ противо-
рѣчивыхъ мнѣній?

Мнѣ кажется, отвѣтъ на эти недоумѣнія простъ: тѣмъ
не менѣе мы кое-что знаемъ о своемъ духовномъ мірѣ и
даже знаемъ довольно много,—это фактъ. Вѣдь все наше
практическое знаніе жизни и свѣта, въ наибольшей своей
части, слагается изъ того, что мы знаемъ о себѣ и вѣрно
догадываемся о другихъ. Житейскій опытъ, личный и обще-
ственный, любое художественное произведеніе литературы,

всякое обдуманное знакомство съ историческимъ прошлымъ, всякая философская теорія, въ своихъ первыхъ посылкахъ неизбѣжно опирающаяся на какія-нибудь непосредственные данные разума и чувственного опыта,—все это и многое другое съ разныхъ сторонъ научаетъ насъ о томъ, что творится и содержится въ насъ самихъ. Если бъ относительно нашего собственного психического міра въ нашемъ умѣ ничего не было, кромѣ дикаго хаоса противорѣчивыхъ заблужденій, мы ничего не могли бы ни понять, ни совершилъ въ жизни. А разъ мы кое-что о себѣ знаемъ,—а въ будущемъ, вмѣстѣ съ умственнымъ и духовнымъ ростомъ человѣчества, можемъ надѣяться узнать и еще больше,—то мы несомнѣнно можемъ систематизировать свое знаніе, установивъ градацію и связь между болѣе и менѣе общимъ, и болѣе или менѣе достовѣрнымъ. И конечно мы это сдѣляемъ тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе будемъ подчиняться предвзятымъ взглядамъ на дѣло. Съ другой стороны, принципіальная оцѣнка главнаго источника и предмета психологическихъ споровъ можетъ значительно смягчить противорѣчность и шаткость отдельныхъ психологическихъ обобщеній. Такое систематическое, по обдуманному и ясно сознанному методу построенное знаніе о нашей душѣ не имѣеть ли всѣ логическія права быть названнымъ *наукой*?

Однако совсѣмъ другой вопросъ, можетъ ли психологія стать наукой въ томъ точномъ,—употребляя выражение Дюбуа-Реймона,—астрономическомъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ науками механику или физику? Дойдетъ ли когда-нибудь психологія до такого совершенства, что будетъ безошибочно предсказывать въ какой часъ и минуту въ данномъ человѣкѣ возникнетъ та или другая идея или будетъ имъ совершенъ тотъ или иной поступокъ,—подобно тому, какъ астрономъ предсказываетъ, когда должно быть затменіе луны или солнца? На это надежда въ самомъ дѣлѣ очень плохая. Но развѣ только для одной психології? Есть ли хоть малѣйшая вѣроятность, чтобы такой астрономической обликъ получили когда-нибудь исторія или соціология? До-

стигнетъ ли его когда-нибудь биологія,—вѣдь теперь ей еще очень далеко до этого. Помимо всего другого, такой астрономической обликъ не мыслимъ тамъ, где наше познаніе имѣеть дѣло съ *неограниченной сложностью данныхъ*. Въ этомъ смыслѣ нужно признать, что нѣкоторыя науки самыи существомъ своихъ задачъ осуждены быть не точными и не астрономическими. Науки о духѣ относятся къ этой категоріи наукъ. Означаетъ ли это, что мы должны отъ нихъ отказаться? Вѣдь неточное и не могущее давать абсолютныхъ предсказаній знаніе не значитъ еще *ложное знаніе*.

Не надо забывать и важного преимущества въ наукахъ о духѣ. Въ психологической области мы не имѣемъ исчерпывающихъ и математически предопредѣляющихъ ходъ явлений формулъ, но зато намъ открыта внутренняя качественная сторона этихъ явлений: мы съ абсолютной достовѣрностью знаемъ, что значитъ думать, хотѣть или чувствовать. Въ наукахъ точныхъ наблюдается нѣчто обратное: въ нихъ формулы даны въ изобиліи, но зато онѣ только въ сущности и даны. Формулы дѣйствія электричества, напр., установлены съ поражающей строгостью, но развѣ не загадка, что такое само электричество,—развѣ тутъ все намъ ясно и теперь? Формулы движенія тѣль даны. Но что такое тѣло, что такое вещество, что такое движеніе, что такое пространство? Вѣдь это все загадочные, неизвѣстные данные, и когда для насъ настанетъ ихъ *абсолютное пониманіе*, да и настанетъ ли когда-нибудь?

Л. Лопатинъ.